

АРИАДНА БОРИСОВА

У ЗВЕЗД
ХОЛОДНЫЕ
ПАЛЬЦЫ

Этническое фэнтези

Ариадна Борисова

У звезд холодные пальцы

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Борисова А. В.

У звезд холодные пальцы / А. В. Борисова — «Эксмо»,
2016 — (Этническое фэнтези)

ISBN 978-5-699-83305-4

Олжуна похожа на маленького дикого зверька, ей с детства приходилось выживать, а поэтому она готова на бесчестные поступки. Попытки соблазнить Хорсуна, являющегося чужим мужем, жестокость, обман и клевета все же не приносят девушке счастья. А тем временем тучи сгущаются над когда-то мирной долиной. Страшный странник сеет зло, готовя передел земного мира. В воздухе все явственнее пахнет кровью, а с высоты небес наблюдают за ошибками и болью смертных древние равнодушные звезды...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83305-4

© Борисова А. В., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Всё знает эхо. Сказание третье	6
Домм первого вечера[1]. Идущий впереди	6
Домм второго вечера. Крылатая кобылица	17
Домм третьего вечера. Кумысный праздник	32
Домм четвертого вечера. Не сравни себя с божеством	45
Домм пятого вечера. Осухай с Луной	50
Домм шестого вечера. За чертой березовых веток	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Ариадна Борисова

У звезд холодные пальцы

© Борисова А., 2016

© Исаева О., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Всё знает эхо. Сказание третье

Домм первого вечера¹. Идущий впереди

В середине Голодного месяца драчливые ветра прежде срока пошатнули ледяные рога Быка Мороза, грозного мужа старухи Зимы. Вслед за первым рогом в Коновязь Времен почти сразу рухнул второй. Уходя раньше обычного, тающее чудовище взревело от обиды бесснежной выюгой и насухо вылизало обнищавший наст. Лесные старики проснулись в берлогах, а земля почти вся уже черная. Люди заторопились к летним домам и пастбищам. Не переедешь на летники вовремя – скот потопчет сенокосные угодья возле зимних жилищ.

Еще в начале вскрытия рек Манихай пообещал жене провести пастбище у озера Травянистого, починить стоящий там тордох. Обещать было не тяжело, но как теперь до дела донести, когда время ужалось впритык? Досада разбирала: помочь-то некому! Дома остались младший сын-калека Дьоллох и приемыши-недоростки – Атын с Илинэ.

С калымов, взятых за дочерей, семья разжилась шестью дойными коровами с приплодом, ездовым быком и табунком в двенадцать голов. Имели бы больше, однако случилось справиться калым старшему сыну. Он, как и дочери, жил далеко. Поехал однажды в гости к сестре Нюкэне и женился на тамошней девке, осел примаком в чужом роду. Манихай злился: не бывало такого допрежь, чтобы мужи покидали родной кров. Сыновьям полагается привозить жен из других родов в отчий дом, вести хозяйство и ублажать отработавших свое родителей... Ан нет, все теперь не по заветам отцов!

– Много детей – плохо, мало – тоже плохо. Много скота – плохо, мало – еще хуже, – вздыхал Манихай, разговаривая со своей ленью, будто с живым существом. – Смирись, покоришься, лучше труды, чем бедность...

Заведенная с утра Лахса едва рот раззявила, а ни слова сказать не успела: кликнув ребят, Манихай шмыгнул за дверь. Дорога перед быком словно сама поскакала вперед с горки на горку. Не прошло времени и полутора варок мяса, как за бугром показался двор над излучиной озера. С опаской глянул хозяин – ну как совсем развалился тордох? И от души отлегло: стоит, бедолажка!

Растянулся Манихай на лежанке, не снимая дохи, и немедленно захрапел. Лахсы здесь нет, некому жужжать над ухом, а дырья из стен никуда не сбегут, все равно придется латать. Только б лень, отдохнув, отступила перед неминуемой трудовой неволей...

Пока глава семейства хозяйничал во сне, ребята надрали в лесу кору для тордоха, загрузили сани дровяным сухостоем, чтобы не порожняком домой возвращаться. Быстро время бежит, если работа в охотку. Не заметили приближения вечера, починяя жилье. Лишь тут из дверей вылетел ошалелый Манихай со скособоченным от спешки ртом. Продрав заспанные глаза, оглядел чисто убранный двор, полные хвороста сани. Почесал всклоченный затылок и вздохом-стоном огласил окрестности. Удивление, вину, благодарность, а пуще того – безмерное облегчение впустил в себя этот протяжный вздох.

– О-ох, молодцы! Не знал, что совсем взрослые вы у меня. Ну, стало быть, к дому!

Едва ли не втрое длиннее показался умаявшимся ребятам обратный путь. Волдыри на руках огнем возгорелись, по спинам прокатывалась знобкая дрожь. Манихай в прекрасном расположении духа восседал верхом на быке. Не понукал скотину и помощников не подгонял. Блаженно озираясь вокруг, любовался весенней землей и веселую песенку насвистывал

---

¹ Толковник переводных слов и определений со сведениями о народах, населяющих северо-восточную часть Орто, о божествах, духах и др. находится на последних страницах книги.

на радость горному эху. Недаром говорят: человек саха, как примостится на бычьем хребте – певец!

А и было чем любоваться, отчего напевать! Почки верб распушились ярко-желтой пылью, на склонах холмов задымились ворошки подснежников, словно непутевые ветра в мелкие клочья изорвали здесь зазевавшуюся тучку. Однако подумалось, что нынче цветов возшло небогато. В прошлую-то весну сами холмы казались облаками из-за цыплячьего пуха бутонов. Плохую примету ворожит Молочный месяц. Видать, засушливым годом решил отомстить Бык Мороза торопкой весне.

Манихай решил размять кости неспешной ходьбой и слез с быка. Не мешало нагулять к ужину приятную усталость в теле и здоровое желание еды. Почему бы ребят не порадовать какой-нибудь историей? Заслужили! Вроде бы притомились и еле ступают, а глаза-то вон как порскают по сторонам, примечая весенние новости. Юным – что, с их рук водяные мозольки вместе с грязью слезают.

Языком трепать – не лопатой махать, а рассказчик Манихай неплохой, в отца Торулása, умельца сказывать байки о ботурах да волшебниках. Отец, между прочим, и сам обладал волшебным подспорьем – имел духа-хранителя, бестелесного двойника. Может, об этом поведать ребятам?

– Ты, Дьоллох, просил рассказать о дедушке Торуласе, – начал Манихай, и дети придвинулись ближе. – Был он не простым человеком. Помнится, перед тем как ему с охоты вернуться, со двора доносился свист – любил отец насвистывать песенки себе под нос.

– Как ты, – засмеялся Дьоллох.

– Разве? – удивился Манихай. – Ну так вот, слушайте дальше. Матушка котелок к огню подвешивала и говорила: «Недалеко хозяин – мясу доспеть». Я возражал: «Явился уже», торопился дверь открыть, а во дворе пусто. Матушка, бывало, лишь улыбнется хитро. А только сготовится мясо – отец тут как тут. Заходит, весь увешанный зайцами, большой и белый, точно ходячий сугроб!

– Это дед свист вперед гонцом отправлял? А как?

– Не спеши, Дьоллох. – Манихай отогнал от себя видение жарко дымящегося мяса, сглотнул слюнки. – Скоро ложка мелькает в руках голодного, а добрая история горячки не любит... Мне тогда, как и тебе, шибко хотелось выведать, как свист отца опережает. А матушка брови хмурила за его спиной: помалкивай! Я и молчал поначалу. Но любопытство хуже гнуса зудело, сил не достало терпеть. Принудил я матушку открыть секрет. «Первым знаки подает Идущий впереди», – обмолвилась она. Оглянувшись сторожко и строго-настроено предупредила: «Никому не проболтайся, не то братец обидится и покинет нашего старика!»

– Что за братец?

– Ну, теперь-то можно сказать. Незримый дух, данный человеку богами для отвода несчастий. Не просто понять, друг он или стражник, хозяин или слуга... Позже матушка уверяла: по всему сдается, что боги тут ни при чем. Это-де и впрямь братец-близнец, застрявший между мирами. А жить-то любому охота, потому нерожденный приходит к земному брату на выручку и помощью этой живет. Впереди идет потому, что боится на Орто ненароком увязнуть душою, оставить свое одинокое тело в ином бытии.

– Совсем-совсем не видно его?

– Насколько известно, двойник может показаться во плоти в злую пору.

– Брату или другому?

– Э-э, так и будете вопросы задавать? Рассказать не успею до дому, – рассердился Манихай.

С укором толкая друг друга локтями, ребята примолкли.

– Чего с отцом ни приключалось – все как с ящери хвост, сойдет скверное, и жив-здоров. Дрался на войне с гилэтами – ни царапинки не получил. Попал к барлорам в полон – ускольз-

нута изловчился. Заблудил волчий ветер, от которого никто не уходит! Было еще, лодка в бурю перевернулась на середине реки, и все, кто в ней сидел, потонули, а отец вдруг мель ногами достал. Словно по мосткам развернутым на берег вышел пешком. Потом люди проверили – не оказалось там никакой мели. Не зря молва толкует о тех, кто отмечен подарком богов: «Этот трижды сгинет и трижды воскреснет!»

– Разве так можно – умереть и ожить?

Манихай отмахнулся, продолжил дальше:

– А как-то, помню, побился отец об заклад, что из любых пут освободится. В лесу привязали его спорщики к дереву. Сами домой вернулись, уселись за стол. Обсасывая гусиные лопатки, гадали на косточках: развяжется ли до ночи? И тут человек зашел в низко надвинутый шапке, молвил с обидой: «Что ж меня-то с обедом не подождали?» Смотрят приятели – а это он, Торулас!

Шлепнув быка по употевшему крупу, Манихай аж крикнул в досаде:

– Эх, жаль, выиграл-то всего ничего – старую клячу! Надо честно признать, Дьоллох: твой дед меры разумной не знал в расточительстве. Ведь мог бы запросто добрую телку взять, вдобавок лосиные шкуры на лодку, котел с мясом доверху...

– И долго двойник ему подсоблял? – осмелился перебить Дьоллох, уводя отца от излюбленных рассуждений.

– Всю жизнь. До той беды, которую даже он, верный хранитель, не сумел отвести. Однажды на празднике Новой весны отец на целых три легенды опередил приезжего сказочника и посмеялся над ним: дескать, что ж ты, любезный, издалече тащишь свой невеликий запас в наш богатый лабаз? Лихо-то и приспело: оказался соперник черным шаманом. А дразнить такого, все знают, равно что руку в жилую берлогу совать... Затаил чародей на отца лютую злобу. Подкараулил его за углом юрты и метнул в голову острый топор. Ткнулся отец в стену, пригвожденный, и остался стоять с раскроенным черепом.

Ладони Илинэ вспорхнули ко рту:

– Помер!

Взбурдаженные мальчишки забежали на шаг вперед, словечко боясь пропустить. Манихай ухмыльнулся:

– Вот и нет! Подбежал шаман выдернуть топор, а убиенный обернулся живехонек, да как расхохочется ему в лицо! Помчался злодей прочь, сам полумертвый от страха. После, поди-ка, смекнул, что угодил не в человека. Раскусил колдовским разумением: не иначе есть у Торуласа Идущий впереди. Наш дед топал как раз за спиной духа-спасителя, даже испугаться не успел. Услыхал смех двойника, приметил сиганувшую в сторону тень и споткнулся о топор, будто слетевший с неба. Рассмотрев хорошенько, понял, кто покушался на его жизнь. Черень был приметный, с кривизной, у нас-то исстари прямые стругают... Созвал тогдашний старейшина малый сход, кликнули чужого сказителя. Делать нечего, признал свою вещь хозяин. Сказал, что нарочно мимо кинул. Хотел якобы попугать. Аймачные не поверили и топор не вернули, оставили отцу на память. Велели ему впредь хвастать меньше – сам накликал. Чужака изгнали, да разве кто шаману указ? Прошли две весны, а на третий год в Месяц водяных духов, в красное полнолуние, поднялся во дворе дикий вой и визг. Мы с матушкой в угол забились, тоже давай орать с перепугу. Отец схватил памятный топор – и на улицу. Глядь: вертится на тропинке метельный столб, да так прытко – глазам больно смотреть. Сам узкий, как коновязь, а сверху чародейская башка вращается и вопит истошно. Влево отец – столб влево, вправо отец – столб за ним. Пришлось швырнуть в него топором.

– Попал?!

– А то, – горделиво выпрямился Манихай. – Должно быть, шамана оберегали заклятья от чужого оружия, а от своего остеречься не догадался. Замертво рухнул у крыльца. Вонзилось лезвие точнехонько в черное сердце... Отец аймачных вызвал, объяснил им, как все получи-

лось. Старшины распорядились поскорее схоронить лиходея, пока не сделался Йором – мертвым духом мести и зла. Зря не сожгли... Завязали ему рукава крест-накрест и положили в листовенничную колоду. Лишь рассвело, повез отец шаманское тело через Большую Реку подальше от Элен.

Затаив дыхание, дети тесно прильнули к Манихаю, присевшему на запятки заполненных дровами саней. Бык дернулся, не пожелал перевозмочь натуги и встал.

– Уже после отцовской смерти матушка рассказала мне, что бедняге довелось пережить. Днем труп внезапно ожил и закопошился в колоде. Доколе было светло, удавалось беспокоящего усмирить. Но вот стемнело, выехали сани на алас с одинокой сосной и вылез мертвец! Слетел с саней наш старик. Бросил в воскресшего злыдня все тот же топор – посередь лица угодил. Нос напрочь, только ноздри в снегу мелькнули. А покамест шаман пытался рукава развязать и в поисках носа ногами шарил в сугробах, отец взлетел на сосну. Пуще вызверился неугомонный и ну расшатывать ствол, лбом колотить, зубами грызть, зверем рычать! Щепки в восемь сторон брызжут, на весь лес треск-хруст стоит. Сосна шатается, норовит отца наземь сбросить, а не может – вцепился клещом! В тряске и жути прошло какое-то время, луна к западу повернула. У отца руки замерзли, пальцы вот-вот сосульками зазвенят и отвалятся... Начал молиться богам, чтоб взяли душу раньше, чем мертвец до него доберется. И вдруг, словно из-под земли, еще кто-то показался внизу...

– Кто?!

– Он сам, Торулас! Держит в руках подобранный топор и смотрит вверх на него!.. Взмахнул топором и отсек шаману башку. Поскакало безголовое тело к колоде, внутрь послушно нырнуло. Дух-двойник повелел отцу отыскать оттяпанный нос, воткнуть на место и схоронить покойника. Молвил это – и сгинул, будто поблазнился. До утра жег отец костры и мерзлую почву для могилы копал, весь день искал в сугробах пропажу. Не нашел. Испугавшись наступления вечера, предал земле безногого.

Манихай, охая, встал и потянул упертого быка за продернутое в ноздрях кольцо. Тот повел на хозяина влажным оком и не спеша тронулся к близким взгорьям Крылатой Лощины.

– Что после-то было? – Дьоллох нетерпеливо дернул отца за рукав.

– После... э-э... летом пришли в долину тонготы, – проговорил Манихай, с трудом заставляя ноги передвигаться. – Сообщили, что к северу от Эрги-Эн объявилось проклятое место – алас с одинокой сосной, и кто-то там под землей воет страшным голосом, требуя возвратить то ли глаз, то ли нос, а если не отдадут – бедами грозит Элен... Отправился отец в лодке на левый берег. Мало не весь алас на коленях исползал и отыскал-таки в траве порядком истлевший нос. Потом колоду с покойником выкопал. Только открыл ее – ожившая башка вскочила на косицы, как на ножки, завизжала злобно. Но вернулась потеря – утих шаман, скопился на нос, довольный. И раздался шум-треск: кривая сосна выпрямилась. Глянул отец в колоду, а чародейская голова лежит уж гнилая, полная жирных червей... С той поры и захирел наш старик. Как ни упрашивали, легенды на праздниках больше не сказывал. Начал точить его сердечный недуг. С этой невзгодой и двойник не сумел справиться. Никому не под силу поменять больное сердце на здоровое, ни духам, ни даже богам.

Дьоллох открыл было рот для вопроса, но Манихай полагал, что сполна рассчитался за сегодняшнюю помощь и опередил сына:

– Все, пострелята. Другую историю потом расскажу... если будет за что.

Тут и дом показался у мыса.

* * *

К переезду собирались снарядиться засветло, но к утру Лахса никак не могла добудиться Манихая. Уработался, видно, на летнике, едва приполз ввечеру. Проснулся сердитый, завор-

чал, что копылья в полозьях саней потрескались, могут не выдержать тяжести скарба и сокрушиться в дороге, да радуйся, если не в лужу. Прихватив бурдючок с кумысом, отправился с Дьоллохом к соседу, плотничающему по мелочи. Илинэ убежала к коровнику укладывать телят в камышовые корзины.

Еще давеча, сворачивая свою постель, Атын заметил втиснутую в углу между жердями берестяную завертку. Самое время вынуть, посмотреть, что там такое. Кто-то постарался сунуть комочек поглубже, пришлось расковырять мох в щели ножом. Береста раскрошилась в руках, и мальчик вскрикнул от изумления: в ладонь его лег маленький темный идол, чуть тронутый белесоватым налетом.

Атын встал у окна, с недоумением взгляделся в овальное тельце, хрупкое на вид, но довольно жесткое и костистое на ощупь. Ссохшаяся, сморщенная куколка напоминала одновременно птенца-голыша, гигантского паука, а больше всего – человечка. Уродца с пригнутой к груди головкой величиной с сосновую шишку. Во впадинках глазниц под покатым лбом виднелись плотно сомкнутые, чуть вдавленные веки. Руки как лучинки, кулачки прижаты к подбородку. Скрещенные лапки-ножки воздеты к животу в тонких волнах ребрышек. Умелец, смастеривший идола, умудрился даже пальчики на ножках изобразить, вплоть до мизинцев.

Для чего эта поделка, кому принадлежит? Из какого неведомого вещества сотворена? Ясно, не из глины, не из дерева. Похоже, составлена из косточек грызунов и обтянута тонко выделанной кожей, а после кожа крепко подсохла на человечке, пока в щели дожидался. Атын поднес его к носу: пахнет заплесневелой мышьиной шкуркой... Вот удивятся брат и сестренка! Правда, идолами нельзя играть. Но, может, это не идол?

Мальчик помедлил, не решаясь подойти к Лахсе, спросить у нее, откуда взялась чудная куколка.

Прошлой весной Манихай объяснил ему, что он не родной в этой семье. Атын пережил сообщение стойко и больше не называл Лахсу матерью. Теперь он старался обращаться к ней как можно реже, скучая по ее ласкам и стыдясь сам не зная чего. Но тут, взволнованный диковинной находкой и тем, что они с Лахсой дома одни, поддался порыву, подбежал и уткнулся ей в грудь:

– Матушка!

Лахса от неожиданности уронила на пол свернутый узел.

– Я... человечка... нашел в стене, – сбивчиво проговорил Атын, не поднимая головы.

В другое время Лахса бы возликовала, обняла любимого сына крепко-крепко. Ужели он ей не сын? Ну и что, что кузнецова женка носила его девять месяцев и вывела жить на Орто! А кто грудью вскармливал, кто растил-воспитывал, от болезней спасал, недосыпая ночей?!

Жгучая ревность донимала Лахсу с тех пор, когда она вдруг сердцем поняла, что близится время ухода сына к чужой женщине, палец о палец не ударившей ради него. Ломало и корежило от мысли о том, что Урана, благосклонно приняв готовое, примется вить в душе мальчика свое гнездо... И не будет в новой жизни Атына места Лахсе, станет она для него нянькой-кормилицей, чей долг довершен и оплачен сполна. А мальчику каково близких покидать, перебросившись, будто из одной страны в другую, колючим ветром Дилги? Чужая станет семья.

Ах, чужая!.. Слово, костью встающее в горле! Дьоллох заранее переживает, задает вопросы, на которые не тут же ответишь. Есть и его заслуга в том, что вырос приемыш справным парнишкой. Илинэ все не может понять, почему Атын должен уйти. А разве он не любит брата и сестренку? Он и Манихай любит. Заботится о нем – глазам-то все видно! Прислонит, бывало, одеяло к горячему боку камелька и бежит скорее к вечно недужному главе семьи – укрыть, укутать теплом...

Обида Лахсы всколыхнулась горячей волной и отвалила мгновенно, уступая место внешне-запному страху. Узрев на ладони мальчика округлый серый скелетик, женщина обмерла. При-

слонилась к столбу, чтобы вслед за узлом самой на пол не пасть. В глазах потемнело, в ошалевшую голову ринулось воспоминание, умело вытравленное из памяти колдуньей Эмчитой.

Слепая знахарка вырезала «грыжу» Атына, когда ребенку исполнился год. Пошептала над ней и закрутила в кусок бересты. Наказала обкурить можжевельником, положить в турсучок тюктойе и закопать подальше от глаз.

Кто бы стал с обычной болячкой столько возиться? Чуткая ко всему недоговоренному, Лахса не зря заподозрила неладное. Принялась выпрашивать старуху и допыталась-таки на свою дурную башку, а лучше бы не ведала ни о чем. Мертвым зародышем-близнецом оказалось то, что все принимали за грыжу!

– Будешь проходить мимо дома Ураны, шагай задом наперед, тогда злых духов обманешь, – велела Эмчита. – Как закопаешь двойника, все мысли о нем постарайся чисто-начисто в голове стереть. Если сболтнешь кому – беду призовешь на сына кузнеца. А ты его любишь, вижу.

Потрясенная Лахса мимо ушей пропустила последнее, странное для слепой слово. Клятву дала рта не раскрывать об Атыновом братце. Добралась до дома, сунула плачущего ребенка в руки Нюкэне, а сама побежала в коровник, стгорая от ужаса и любопытства. Затаилась с зажженной лучиной за коровьим боком. Боясь прикоснуться, развернула бересту и долго разглядывала одеревенелую фигурку. Каждая морщинка, каждый изгиб темного тельца накрепко вжились в память, будто собственная голова послужила Лахсе тем тюктойе, о котором говорила Эмчита. Не было у Лахсы турсучка, потому до времени затолкала человечка куда-то. Даже можжевельником не обкурила, торопясь.

Язык зудел и жегся нещадно, словно вздулась на нем мозольная желвь, хоть ногтями дери или губы зашивай жильной ниткой. Кое-как Лахса скрепилась. Чтобы ненароком не выпалить тайну, додумалась камень в рот сунуть. Только на ночь его вынимала. Три дня немоствовала, немыслимую пытку терпя. Манихай перепугался: пучит жена глаза, жалобной телкой мычит, а сама ни полслова. Едва до обморока не довел расспросами. Зато, проснувшись на третий день, затарахтела женщина без умолку. С утра до вечера язык с наслаждением скребся о нёбо, но о странном покойничке и краешком не проговорился. Забыла о нем Лахса. Закопался Атынов двойник под ворохами ее мыслей, свернулся-затаился, как злой дух на дне турсучка.

Лишь сейчас осенило короткопамятную: должно быть, Эмчита что-то с ней сотворила, если и потом ни разу не вспомнился берестяной кокон, чреватый страшною куколкой. Слепая-слепая, а все видит, все чувствует зрячими пальцами... И надо же было не кому-то, а самому Атыну на братца наткнуться!

Мальчик опомнился и смущенно отстранился от Лахсы, но повторил:

– Матушка...

Они были вдвоем, некому глянуть с усмешкой, напомнить о чужой тетеньке Уране, родной его матери. Атын знал: Лахса не напомнит. Он видел Урану всего два раза, и то издали. Нисколько она ему не понравилась, хотя ходила в богато расшитой одежде, красивая, высокая и длиннокосая. Его Лахса, пусть толстая и низенькая – ростом он ее догнал, – все равно казалась лучше, потому что... потому что лучше, и все.

– Скажи, это идол?

Лахса медлила, не зная, чем бы тайну половчее прикрыть. Может, сказать незнакомой? Удивиться запоздало либо прикинуться занятой и пообещать, что позже объяснит? Но долго ли удастся тянуть с ответом? Не к ней, так к Манихаю пристанет настырный мальчишка. А муж непременно заинтересуется, примется кричать-восклищать, бегая и руками размахивая... Сам помчится всем показывать идола! Найдутся любители диковин, предложат поменять на что-нибудь, а Манихай и рад, приступит к торговле. Как же ему тут героем дня не побыть, коль такая удача выпала?! Любопытный народ набегит, начнется суматоха, посыплются всякие толки-догадки, весть об удивительной находке Атына разнесется болтливым ветром по всей

Элен... До Ураны скверные разговоры дойдут, до Эмчиты! Жрецы станут вещать недоброе, старейшина Силис Большой сход соберет!

– Матушка, ответь же, что это за человечек?

Страшные видения схода замельтешили было перед глазами Лахсы и втянулись обратно в мысли. Не успела прикусить вновь зачесавшийся язык, как вылетело в сердцах:

– Близнец твой!

Глаза Атына вспыхнули изумлением и радостью:

– Брат-близнец?! Значит, и у меня он есть?

– Стало быть, есть, раз в руке его держишь... С тобою пришел... застывший, неживой... помер еще в утробе... Никто, кроме меня, о нем не знает, и кузнецова семья ни сном ни духом не ведает... И не должна... Отдай, схороню в безопасном месте, – лихорадочно забормотала Лахса, протягивая к человечку дрожащие пальцы.

Мальчик попятился, убрал братца за спину:

– Сам спрячу. Пусть будет со мной. Не беспокойся, никому о нем не скажу. Даже Илинэ и Дьоллоху. Я знаю, о двойнике нельзя говорить, а то обидится и уйдет.

– Куда уйдет? – тупо спросила Лахса, покачиваясь на излете с простертой рукой.

– В иное бытие, откуда пришел Идущим впереди, чтобы меня защищать.

Пол наконец перестал колыхаться зыбучей трясинной под ногами Лахсы. Остановилась, осев на пятки. Смятенно вперилась взглядом в окно. Где мальчик набрался непонятных суждений? Ругала себя: вот как аукнулась нынче ее беспечность!

– Ладно, коли сам решил, так спрячь хорошенько, – дозволила, понимая, что не сможет отнять у Атына братца.

– Дай мне мешочек из-под кресала, – обрадовался сын. – Стану в нем близнеца носить.

– Ой, не надо, – затосковала Лахса. – Лучше бы в землю...

Атын не мог скрыть удивления:

– Зачем же?

Забывшись, обхватил широкий пояс Лахсы по-детски тонкими, но уже сильными руками, и она обняла подросткового сына.

– Кто же, как не брат, двойник мой, оберегать меня станет, когда я от тебя, матушка, в другую семью... вернусь? – прошептал мальчик, дрожа. Голос его прерывался от близких слез.

* * *

По дороге встретились с семейством старейшины, которое тоже переезжало на летник: младшие дети, сыновья, невестки, внуки-правнуки, дядьки-тетки, няньки, работники-приживалы, не имеющие собственного угла. Вот уж обоз так обоз, начало здесь, а конец за холмом! Что ж, для еды малая семья хороша, для труда – большая. У рыбных озер за холмами несколько принадлежащих роду угодий ждали своей очереди из лета в лето. Отстаивались, чтобы корни трав не слабели. Знать, подошло время здешнего летника, отгороженного от невеликого пастбища Манихая и Лахсы реденькой березовой рощей.

На передних санях каравана возвышались сложенные полотна разборных домов-урас, позади пыльно волоклись связанные концы крепких жердей для оснастки остовов. Берестяные дома имеют лишь состоятельные и работающие люди. О старейшине и его жене не зря говорят: «Возьмет Силис в руки палку – превращается палка в трость, возьмет Эдэринка в руки черепок – оборачивается черепок чашей».

Люди саха мастерят урасу так. Вначале заготавливают березовую кору в Месяце белых ночей, когда она легко отделяется от ствола. Потом долго кипятят ее в молоке. После выварки кора становится мягкой, гибкой и крепкой, как дубленая кожа, снаружи делается матово-серебристой, с испода цвета топленого масла. Сложив пластины вдвое, женщины сшивают девять

полотен. По каймам и срединной глади вырезают сквозные ряды нежных узоров, через которые выступает охристая основа нижних слоев. Прочный покров урасы, накинутый на собранный конусом остов, не протекает даже в сильные ливни. Узорная дверь выходит на восток, к восходу. Битый глиною нехитрый очаг выкладывается посередине. На перекладинах над ним закреплены крючья для подвешивания котлов, там же копятся мясо и рыба. Дым домашнего костра струится к отверстию наверху, куда утром заглядывает солнце, а ночью луна.

Едва ли не каждый год на летниках Силиса прибавлялось по урасе – старшие дети один за другим вили свои гнезда, и весело смотрелись в зелени белые островерхие дома!

– Умеют же люди умаслить богов и духов, – горько вздохнул Манихай, и тут же заулыбался, приветственно замахал рукой:

– Есть новости?

– Есть, как не быть! – откликнулись-закивали словоохотливые старики-дядьки. Старейшина радостно крикнул Дьоллоху:

– У меня хорошая весть для тебя, потом расскажу!

Договорились с соседями принести Хозяйке Земли Алахчине и духам местности общую жертву в полдень на ничейной поляне у озера.

Лахса давно не встречала Эдэринку и поразилась ее нестареющему лицу. Правнуков женщина нянчит, а зубы все целы, и ни морщин на щеках, ни седины в толстущей косе! Лахса поневоле распрямилась, втянула живот. Дотошный глаз дальше скользнул, по младшим детям старейшины – близнецам и дочке-поскребышу. Чиргэл и Чэбдик в одинаковых рубахах и сами одинаковые, словно зазевался рассеянный Дилга и дважды отчеканил одно и то же лицо. Меньшую дочку Айáну Эдэринка разodela, как на праздник, в платье с яркой вышивкой и белые ровдужные торбаза. Лахса представила такой наряд на Илинэ – вот бы славно смотрелось! Илинэ кудрявая, светлоликая, не то что смуглая и мелковатая Айана. Надо же, у таких-то крупных родителей дитя ростиком не вышло...

Впереди мелькнул старый тордох. Лахса издали углядела опрятные заплатки на стенах. Нечего стыдиться, честно постарался Манихай. Диву далась необычной скромности мужа. Ни словом вчера не обмолвился, как много довелось ему в этот раз потрудиться... Однако тут же и забыла о похвальном его усердии. Пока мимо проходило соседское стадо, супруги считали рогатые головы, путались и начинали снова. Готовые вцепиться друг другу в волосы, яростно спорили, сколько скота у старейшины, а после ругались просто по привычке.

– Посчастливилось Эдэринке выйти замуж за такого мудрого и работающего человека-мужчину, как Силис! – кричала Лахса. – А мне, бесталанной, достался никчемный лентяй, смекалистый на одни на отговорки!

– Такому молчуну, как Силис, несложно слыть мудрецом, – не оставался в долгу Манихай. – Повезло жениться на разумнице Эдэринке, а я, горемычный, встретил в жизни болтливую дуру бабу!

И точно бы повыдрали волосья друг другу, да вовремя осеклась Лахса, заметив, как у Илинэ от стыда разругались щеки и глаза стали на мокром месте. Проследив за взглядом жены, Манихай тотчас опомнился, хлопнул ладонью по ее широкой спине:

– Э-э, да что мы все полыхаем-бранимся, как елка с сосною в кострище? – Придвинулся, понюхал разгоряченную щеку оскорбленной супруги: – Ну-ну, не бывает того, чтоб имеющие ноги не спотыкались, владеющие языками не ссорились...

– Не желай, говорят, чужого, а то своего лишишься, – огрызнулась Лахса, словно уж в нее-то кипяток зависти и капель не брызнул.

– А я и не желаю. Охота была трудиться, не зная роздыху! Без того жизнь на Орто коротка.

– Ох и впрямь, – мирно усмехнулась, оттаивая, Лахса. – У самих в доме нежданный очаг и добрые духи-хранители, а о посторонних: «Эти лучше», – думаем... Так не стой же оглоблей,

Манихай, отпусти животных пастись, а я размещу пожитки да запалю огонь. Вот чего и даром бы не взяла у соседей!

Домашнего огня, зажженного предками рода, у других не просят и своим ни с кем не делятся. Обидеться может дух очага, краснолицый старец с пронзительным взглядом, а от его нрава-настроения зависит благополучие семьи. Посредник-огонь принимает и отправляет просьбы-молитвы богам и духам, дарит людям тепло и готовит еду. Весело слушать бойкую трескотню его бегущего по верх поленьев пламенного язычка. Правда, этой звонко трепещущей речи внемлют только шаманы да дети, еще не наученные говорить.

С малых весен мать втолковывает ребенку: «Не садись на шесток – это стол огня, и тем более не клади на него ноги. Разве кто-то слышал, чтобы человек сажа ноги на стол задира? Не бросай в очаг грязное – брезгливый дух стошнит на стену струей, дом вспыхнет! Не тычь в огонь острым: поранится хозяин-хранитель, изольется на пол горячими каплями. А то и вовсе изойдет жарким соком жизни, красным, как у человека, умрет от кровопотери».

Только если грянет беда и люди уйдут с насиженных мест, свободное пламя потухнет само, а в новом пристанище возгорится свежесобранное.

Лахса разожгла родовой огонь горящими угольями, привезенными из дома в горшке. Ублажила духа-хозяина кусочками вареного мяса. Потчуя остальных духов двора и жилища, не спеша пела каждому особую молитву. Торопиться в таком деле все равно что пытаться забрасывать в рот пищу черенком вместо ложки – мимо не попади!

Окропила свежей сметаной землю под коновязями. Опрыскала субратом² столбы в землянке и под коровьим навесом. Помазала топленным маслом испод столешницы и с особым усердием – потолок у трубы, где живет дух жилья Дербэ, помогающий содержать дом в порядке. Не выкажешь признательности – рассердится домовый, вселится в какого-нибудь теленка и, несмотря на колючий намордник, умудрится высасывать молоко у коров по ночам. Если впроголодь духа держать, что ему остается? Встанет наутро хозяйка, а у кормилиц ссадины на сосцах – соседушка Дербэ поцарапал. Не скоро удастся задобрить капризного. Допрежь надо подкараулить одержимого им ночного телю, окурить можжевельным дымом, свежей травы ему принести.

А еще в жилье забираются оттуда-отсюда шаловливые бесенята. Этим озорникам Лахса подлила молока в маленькую мису, покрошила туда мяса и поставила слева у порога, чтобы не пакостили. Без угощения мелкая нечисть начнет путать тесемки торбазов и перепрыгивать вещи. Голодные проказники самовольно еду не возьмут, но могут наплевать в простоквашу, сделать ее клейкой, тягучей, так что и собаки нос воротят. Тогда приходится выливать испорченную снедь на задворках.

После угощения домовиков пришла пора соседям развлечь подарками Эреке-джерек³, деток Хозяйки Земли Алахчины. Собрались под старой березой, стоящей на пограничном мыске между двумя летниками. Ребята украсили пеструю веревку подвесками – шипастыми телячьими намордниками, игрушечными туесками и пучками конских волос. Обвили веселым нарядом ветви березы. Хозяйки расстелили белые шкуры, наставили мис и чаш со всем, что было вкусного. Перед трапезой Силис отбил низкие поклоны сторонам света и призвал здешних духов, кропя кумысом березовый комель и берег озера.

– С золотой пылью веснушек на веселом весеннем лице, Алахчина – Земли Хозяйка, приглашаем тебя к столу! Резвых деток возьми с собою, чтобы с нашими поиграли, угощенья вкусили вдосталь и порадовали алас! В гости к нам снизойди, дух места, госпожа в величавой шапке, в оборчатом платье с рисунком из теней и ярких лучей! Поднимайся, – зовем радушно, дух озера глубоководный, с серебристой узорной гривной на волнующейся груди!

---

² Субрат – молочнокислый напиток.

³ Эреке-джерек – духи трав и цветов.

Люди подождали немного, предоставляя время невидимым духам удобно устроиться рядом, а когда это случилось, принялись за благодарственный обед.

Зависть Лахсы опять очнулась, едва не испортила настроение. Как ни гордилась своим суоратом, у соседки он оказался вкуснее...

Семь дней назад Лахса сварила суорат. Подвесила над костром во дворе большой котел, полный снятого молока, и целый день поглаживала ложкой мелко кипящую поверхность. Хитрость при этом была такая, чтобы огонь пылал несильно и молоко не бурлило. Потом чуть остуженную загустевшую массу заправила ядреной простоквашей. Разлила в берестяные ведра и как можно толще обернула их дохами, а сверху укутала сеном. Суорат получился изжелта-белый, плотный и гладкий, как взбитая в чистой воде меловая глина... А тут, глянь-ка, хитрая Эдэринка добавила в свой суорат свежие сливки! Ох и пышный же он у нее удался, раскатывающийся по языку ласковой молочной прохладой!

Силис сообщил Дьоллоху обещанную новость: из северных мест приехала в Элен знаменитая игрунья-певица Долгунча. Она и семь ее помощников, тоже хорошие хомусчиты, собираются показать свое умение на празднике Новой весны. По просьбе Силиса любезная гостья согласилась передать его другу особые навыки и секреты хомусной игры.

– Научит всему, что умеет сама, если обнаружит, что ты даровит!

– Чем расплатимся за учение? – забеспокоился Манихай.

– Ничего не будет стоить, – махнул рукой Силис. Не стал говорить, что посулил певице яловую кобылу.

Уши Дьоллоха порозовели.

– Я плохо играю? – спросил тихо.

Силис взглянул внимательно:

– Очень хорошо. Но если наберешься опыта у Долгунчи, будешь играть еще лучше.

– А вдруг мне не понравится ее умение?

– Ты просто не слышал, иначе бы не сомневался, – улыбнулась Эдэринка. – Девушка поет и играет так, что у слушающих ее сердце готово выскочить!

Дьоллох нагнул лобастую голову:

– Может, неправильно думаю, но мне кажется, что для певца важнее собственный опыт, а не указки наставницы, пусть даже и знаменитой... Я благодарен тебе, Силис, но мне не нужны уроки Долгунчи.

– Значит, отказываешься?

– Да.

Не выдержав пытливого взгляда старейшины, Дьоллох отвел глаза. Силис огорченно вздохнул:

– Что ж, из такого «да», видимо, не выгонишь дегтя.

Лахсу и Манихая одновременно посетило желание дать дерзкому отпрыску затрещину. Стыдно было перед старейшиной, впустую хлопотал за их сына. А сказать в оправдание нечего – упрям и своеволен мальчишка... Ох, думы, думы! У отца с матерью – о детях, у детей – о горних высотах! Родители давно убедились в том, что сын отмечен джогуром. Тайком друг от друга вздыхали-печалились о неведомой доле, ждущей их младшего.

Дьоллох сам научился оживлять голоса, спрятанные в хомусе. Певучая вещица в его чутких губах и пальцах чище горного эха отражала звуки Великого леса. А еще Дьоллоху хотелось подчинить себе песенные смыслы и склад многорядных слов с низкими украшениями. Это умение, если развить его до мастерства, равно по силе молитвам жрецов и камланию шаманов. Дева разящего клинка и слова, сама богиня сражений Элбиса покровительствует певцам.

Три года назад слепая знахарка Эмчита посоветовала, чтобы Дьоллох не слишком часто пел, а то сорвет голосовые жилы. Голос у него тогда линиял, как у всех мальчишек в возрасте перехода от отрочества к взрослости, из звонкого, ломкого превращался в сильный глас чело-

века-мужчины, – так веселое журчание весеннего ручья сменяется мощным многозвучьем, когда ручей впадает в полноводную реку.

Дьоллоха ждала впереди шестнадцатая весна. Он полагал, что линька голоса давно уже кончилась, но Манихай, все еще опасаясь, сам вызвался запевать в осухае с духами. Желая угодить соседу, стал нахваливать в запевке его летник.

– Гляди, урасы засверкали там, где коровы, как волны, мирно пасутся в теченьях вышитых солнцем аласов, молодорогие тели пробуют лбы на бодливость, а кобылиц мягкогривых не сосчитаешь за месяц!

– Не сосчитаешь за месяц! – слаженно повторил хоровод.

– Там девять вязок имеет ремень – хранитель-хозяин, долгие руки раскинул, поймал жеребят оброто⁴! Там осухай пляшут владельцы проворных пяток – будто трясет поплавами наполненный рыбой невод!

Поплясали, попели, растрясли сытую тяжесть в телах. Но вот залиvisto защebetала какая-то птица в лесу, и пернатой певунье начал вторить поющий-говорящий хомус. Очарованное эхо подхватило напев. Прибавляло томный шепот-отголосок к каждому звуку, жалея расстаться – любо-дорого слушать! Даже распутная звезда Чолбона, ценительница услад-развлечений, прежде времени выглянула, насторожила сверкающее ухо.

Одну лишь Эдэринку не развлекли кудрявые рулады. Пока песни, мешаясь с дымком костра, плыли над озером, она с беспокойством наблюдала за младшей дочерью. Айана не спускала с паренька восторженных глаз.

Убрав хомус в каповую укладку, Дьоллох сказал:

– Научиться петь-играть не так уж и трудно. Вот олонхо сложить – это не всякому под силу.

– А ты можешь? – пискнула Айана, и в блестящих глазенках ее отразилось по напыжившемуся Дьоллоху.

Паренек задорно потрянул волосами:

– Захочу – и сложу!

– Смотри пуп в стараниях не порви, – засмеялась Илинэ.

– О чем твое олонхо будет? – пристала Айана.

Дьоллох недолго думал:

– Ну, хотя бы об Идущем впереди – духе-хранителе счастливого человека!

Никто, кроме Лахсы, не заметил, как сильно вздрогнул Атын. Мальчик поймал ее тревожный взгляд, наклонил голову и в замешательстве принялся чертить прутиком по земле.

– Об Идущем впереди?! – обрадовалась Илинэ. – А как справишься с украшениями слов? Где столько их наберешь для большого сказания?

– Скоро нарядные слова будут выплетаться в моей голове так же легко, как узоры, выбегающие из-под рук Атына, – кивнул на братишку Дьоллох.

---

⁴ Обрót – узда-привязь к длинному общему ремню для жеребят.

Домм второго вечера. Крылатая кобылица

Атын еще двухвёсным мальцом обнаружил, что на земле можно нацарапывать прutom красивые линии и штрихи. Позже понравилось выписывать их жженым углем на простых рабочих ведрах, шитых из бересты.

В начале весны, когда искали в горах Вбирающий запахи камень, Илинэ обнаружила мягкие комья охры-крававика и хорошенько их растерла. Получилась густая темно-красная краска. Атын окаймил стены юрты приемных родителей ярким узором – люди мимо не проходили без любованья. Уважая наследную хватку, Манихай с Лахсой втихомолку удивлялись, какая у приемыша верная рука и отзывчивый на красоту глаз. Что касается Дьоллоха, то он был равнодушен к этой забаве брата.

Вскоре рисунки перешли на камень. Обмакнул Атын в краску размахренную лучинку, и она словно сама собой побежала по гладкой поверхности. Оказалось, на ее кончике скрывался целый мир! Атын рисовал все, на что наткнулся взгляд – смородиновый лист в паутине прожилок, веснушчатую сардану, верхушку Каменного Пальца и даже восход, сквозящий в ершистых ветвях сосны.

Радостный летучий дух, незнакомый доселе, занимался в груди, дыхание становилось одновременно легким и тесным. Потом пришло утро, потрясшее мальчика до изумленной дрожи в пальцах: ему удалось зарисовать сон!

Атыну часто снилось странное, небывалое в жизни. Одни сны бесследно исчезали, разбившись утром о первый солнечный луч, другие запоминались до мелочей. В первую ночь переезда на летник воздушная душа странствовала в неведомом краю и оставила в памяти величественное видение – призрачного лося на холме, с устремленными вперед прямыми рогами. Этот сон Атын запечатлел на большом сером валуне. Лось получился как настоящий и вместе с тем волшебный. Где еще, кроме сна, увидишь такого лесного быка, с рогами мощными и острыми, будто мечи?

Захотелось показать сказочное существо сестренке и брату. Вопреки ожидаемой похвале, тот хмуро прищурился и ничего не сказал о возросшей сноровке Атына. А पुще всего задело то, что Дьоллох почему-то не поверил сну. Пристал с расспросами, в каком месте встретился пряморогий зверь, действительно ли он был таким свирепым и кто разрешил Атыну носиться одному по тайге?!

Мальчик постарался скрыть больно ранившую обиду. Дьоллох в последнее время отдалился от младших и постоянно думал о чем-то своем. А тут в кои-то веки снизошел с высот, да и попрекнул:

– Рисуи-ка ты лучше по-прежнему какие-нибудь узоры с цветочками. Людей и животных нельзя изображать.

Атын возразил:

– Но ведь есть деревянные звери и птицы, которыми мы играем.

– То игрушки, – отмахнулся брат. – Их можно стругать стадами и стаями, потому что во многое множество душу не вложишь. А ты сотворил известное тебе существо с отдельной душой, которой теперь легко навредить.

– Как же тогда обереги рода, вырезанные из дерева и кости, охотничьи и другие идолы?

– Кто посмеет тронуть родовой оберег или божество? Грозные предки и боги, только обидь их, прихлопнут как муху!

– На священном Камне Предков охрой начертаны олени и лоси, – угрюмо сказал Атын. – А рядом люди стреляют из луков и плавают в лодке. Еще там нарисован шаман с бубном в руках и поводьями за спиной, летящий то вверх, то вниз. Говорят, этот шаман и сделал рисунки. Значит, ему не запрещали изображать все, что он хотел.

Дьоллох рассердился, вытянул шею из сгорбленных плеч:

– Такое живописание дозволено только тем, у кого есть волшебный джогур! Если кто-нибудь увидит, чем ты занимаешься, и расскажет другим, взрослые подумают, что ты хочешь причинить вред существам, имеющим души. Тогда попадет и матушке с отцом. Скажут, вырастили пакостного колдуна!

Заступница Илинэ возмутилась:

– Атын не пакостный и не колдун!

– Людям будет трудно доказать, – покачал головой Дьоллох и велел отчистить лося с камня.

Рисунок был свежий, но успел втравиться в шершавую каменную плоть. Помогая Атыну стирать волшебный сон мокрым мхом и травой, Илинэ заявила:

– Я знаю: твой джогур ничуть не меньше, чем у летающего шамана на священном камне. Дьоллох сказал, что злые колдуны отнимают душу, рисуя того, кому хотят отомстить. Но ты делаешь что-то совсем другое, и это другое не всем понятно.

Чувствуя себя виноватым, Атын опустил голову:

– Ты правильно думаешь, я ни у кого ничего не собираюсь отнимать. А все же Дьоллох прав, на виду рисовать опасно. Я могу подвести матушку.

* * *

Перед сном Илинэ долго размышляла о пряморогом лосе. Рисунок показался ей очень красивым, но, если честно, вначале обрадовал, а после, когда пригляделась, испугал. Зверь походил на лютого Быка Мороза. Может, воздушная душа Атына, кружась над Мерзлым морем, усмотрела мужа Зимы в его ледяном стойле?

А ночью девочку позвала во сне Скала Удаганки. Должно быть, волшебное видение брата раззадорило к полету воздушную душу Илинэ. Матушка говорила, что у скалы сердитое лицо, а девочке оно почудилось добрым. Оно манило и улыбалось.

Утром Илинэ посмотрела в сторону Каменного Пальца, за которым скрывалась скала, и теплая волнующая дрожь окатила от затылка до пяток, так сильно захотелось побывать в горах жрецов. Илинэ, конечно, было известно, что носящим платья ходить туда воспрещено, но безмолвный зов тянул к себе невидимым арканом. Противиться ему она не могла, и после завтрака, отпросившись играть к соседям, потихоньку сбежала в горы.

Вблизи лицо скалы оказалось огромным и древним, как обглоданные волнами утесы Большой Реки. Несметные весны покоились в глубоких трещинах щек, высокое чело иссекли ветра. Хмурые глаза под сдвинутыми к переносью бровями пристально смотрели вдаль, на восток, горбатый нос нависал над сурово сомкнутым ртом... И все-таки она улыбалась. Вот странно!

Но еще больше удивилась девочка, обнаружив в подножии скалы, под косо вырубленным подбородком Удаганки, потаенную пещеру. Вход в нее прикрывали колючие кусты, сосна и мишистый валун. Кто-то ровно стесал в пещере стены. Они были шероховатыми и приятно прохладными на ощупь, а пол гладкий, как в юрте. Да и вся пещера напоминала жилье, пусть даже без камелька и окошек.

Время целой варки мяса просидела Илинэ в округлом левом углу просто так, бездумно перебирая белые прядки найденных здесь конских волос. А потом нечаянно уснула и увидела во сне крылатую Иллэ, предводительницу небесного табуна. Плотный сбитый лебяжий пух прилегал к сгибам литых крыл кобылицы. Понизу длинные маховые перья ниспадали упругими волнами. В иссиня-черных глазах ярко мерцали созвездия. Иллэ нагнула к девочке красивую голову, излучая тихую нежность, и заржала звонко, с печальными переливами. Будто запела или, скорее, заплакала...

Звон внезапно стал громче и навязчивее, приблизился к уху. Кобылица начала таять и пропала, сметя белоснежным хвостом остатки сна. Проснувшись, Илинэ наяву почувствовала возле себя чье-то присутствие. Прядь тонких волос, пахнущих можжевельным дымокурором, щекотно мазнула по лбу.

Она открыла глаза и нисколько не испугалась, хотя было от чего. На правой щеке склонившегося к ней старика в белой дохе с колокольцами змеился уродливый шрам. Девочка опознала в этом человеке главного жреца, устроителя весенних праздников.

– Да будут благословенны дни твои, Илинэ, – поприветствовал он.

Старик не справился о новостях, как положено, поэтому она сразу спросила:

– Как ты выведал мое имя?

– Я – жрец, а жрецам многое допущено знать, – сказал старик, выпрямляясь. – А знаешь ли ты о том, что девочкам нельзя ходить на гору жрецов?

– Знаю. Но не знаю – почему... Так почему же?

– Потому что это не нравится Белому Творцу.

Илинэ снова хотела спросить – почему, но раздумала. Жрец постоял с отрешенным лицом и пошел к выходу. Обернувшись напоследок, кинул прерывисто, будто несколько раз кашлянул:

– Ладно, птаха. Я позволяю тебе приходить в пещеру. Только... никого не води сюда.

Гордость распирала Илинэ: не одному Атыну снятся волшебные сны! Не вытерпела, рассказала ему о крылатой кобылице Иллэ. Не обмолвилась лишь, где видела сон. Затем рассудила: жрец велел *никого не водить* в пещеру, но о том, чтобы *никому не говорить* о ней, не упоминал. Значит, можно брату сказать. Взяв, разумеется, слово крепко держать язык за зубами.

– Чтоб у меня чирей вскочил на седалище, – поклялся Атын. – Смотри сама Дьоллоху не проболтайся.

– Ну, не совсем я глупая, – обиделась Илинэ. – Дьоллох, чего доброго, не позволит мне в пещере бывать. Он ведь считает себя взрослым и много чего теперь запрещает.

Пригнав коров с пастбища на вечернюю дойку, дети застали во дворе старого жреца. Он о чем-то беседовал с матушкой. Илинэ струсила: явился пожаловаться, что она была в заповедных горах!

Смешно суетясь и кланяясь, матушка пригласила редкого гостя в дом, усадила на почетное место. Старик объявил, что Илинэ и Атын отобраны для пляски на празднестве Новой весны, выпил чашку молока и ушел. Лахса назвала его имя – Сандал. Лучезарный.

С тех пор девочка ни разу не смогла вырваться к Скале Удаганки. На летнике с утра было полно работы, а вечерами приходилось бегать с братом на праздничный алас Тусулгэ, где жрецы учили ребят движениям и знакам священного танца.

Как-то раз, помогая Атыну разливать молоко в чаши для сбора сливок, Илинэ размечталась:

– Вот бы воочию узреть волшебную кобылицу. А еще – покататься бы на ней!

Брат отозвался весело:

– За чем же дело стало? Вели ей в явь из сна прилететь, она же чародейка. Вместе покаемся!

На этом разговор кончился. Что впустую воздух словами трясти? Но у Илинэ появилась дерзкая мечта, крепнущая с каждым днем. Она решила раздобыть нужные краски. Тогда на стене потаенной пещеры брат нарисует сказочную кобылицу, парящую над зелеными травами на лебяжьих крылах. Дьоллох сказал, что божество не возбраняется изображать. Наверное, и крылатую Иллэ можно, она ведь тоже почти божество – бессмертная, как волшебницы удаганки, ставшие в небе облаками и звездами... А Атына и уговаривать не надо нарисовать Иллэ. Сам согласится, стоит ему лишь увидеть краски и гладкую стену.

Какая сторона больше понравится кобылице – левая или правая? Левая более гладкая, но ближе к выходу в ней щербинка. А на правой бугорки и вмятины. Небольшие, но могут помешать рисунку. Нет, все-таки лучше рисунок будет смотреться на левой женской половине. К тому же восходящий свет из-за валуна на нее падает. Ну а щербинку Атын замажет глиной.

Если же вдруг главный жрец опять когда-нибудь посетит пещеру, он не успеет разозлиться. Разве сумеет устоять перед красотой? Неужели тоже подумает о колдовских помыслах Атына и не сможет простить Илинэ?

Нет, Сандал-Лучезарный поймет и простит. Он ведь не Дьоллох, беспрестанно напоминающий о своей взрослости только потому, что еще не сделался по-настоящему взрослым.

* * *

Выпал первый невзрачный дождик – меленький, скучный, будто осенний. Только пыль прибил, а с духотой повоевать не смог и к росам землю не вызвал. А в ночь ударила сухая гроза. Молнии со страшным грохотом раскалывали нижнее пешее небо, словно вознамерились разнести его в куски. Люди ждали дождя, но небесная твердь выдюжила и ни слезинки не проронила. Утром тугие тучи, обманно сулившие дождь, исчезли. Солнце едва продралось сквозь дрожащее марево зноя. Старики говорили, что порожняя гроза – вестница засухи и неурожая трав. Значит, и голода...

Одуванчики на сухостое распустились хилые, ни капли горького молочка в стеблях. Поздно выпростались среди бледной муравы щавель и душистые стрелки лука. Однако огненно-веснушчатые цветы сарданы высыпали на влажном озерном лугу неожиданно густо, точно берег Травянистого занялся язычками пламени.

Кузнец Тимир отправил ребятам вилки-копорульки с незаточенными остриями, удобные для добычи кореньев. Илинэ приноровилась быстрее мальчишек выкапывать ловкими мотыжками луковицы сардан. Жалела цветы, но что поделаешь, если без их корешков людям трудно зимой продержаться.

Все растения жалко. В Месяце, ломающем льды, жалко было срывать кору со стволов сосен. Тут больше мальчишки старались, срезая наостренными крюковатыми ножами сначала верхний слой коры, затем ленты нежной заболони. Будешь осторожным – не погибнут деревья, выправятся постепенно. Забродят в них целебные соки, натечет на оголенную плоть горячая смола-живица, и раны затянутся клейкой пеленой. А нет – так станут сосны дровами.

У каждого весенне-летнего дня свои гостинцы, свои съедобные травы, коренья и ягоды. Вываренные и высушенные стружки заболони и луковки цветов Лахса толкла в ступе. Растирала в мучицу и сыпала про запас в кожаные мешки. Порубленные листья пряных трав замешивала в молоко, с которого сняли сливки. К осени оно заполнит ведра и превратится в тар – заправку для похлёбок. От лука и черемши вкус тара станет острым, от семян белой полыни – терпким. За лето в него добавятся остатки простокваши и суората, мягкие рыбы кости и варенные мясные хрящи.

Вкусна к Месяцу опадания листы настоящая, студенистая снедь. Чтобы тар, вспухнув от мороза, не разорвал ведра, его переливают в мелкую посуду, а потом складывают выпростанные заготовки в лабаз. В голодное время нет выручки надежнее каши с заболоневой мучицей на таре. А пока полно молочной пищи. Лахса с Илинэ четыре раза в день доят сытых коров. Манихай с мальчишками привязывают жеребят-сосунков к длинному ремню обротами с узлами-туомтуу и доят кобыл. Это дело исконно мужское. Вот застать человека-мужчину с ведром у коровьего бока – все равно что узреть его в женском платье. Вусмерть засмеют.

Лахса сшила симир – большой кумысный бурдюк. Кожу для него взяла невымятую, пропитала в разогретом котле нутряным кобыльим жиром и дочерна прокоптила в дыму. Глазу было приятно смотреть на посудину, украшенную латунными серьгами и белыми прядками.

В сими́р уместилось семь ведер кобыльего молока. Крепкий напиток дойдет как раз к празднику вершины года. Манихай поместил сими́р на лавке, закинул на крюк в матице бурдючные подвязки-ремни. Лахса развела на пахте закваску с конским сухожилием – прошлогодний кумысный осадок. Сухую закваску женщины саха берегут не меньше родового огня. Из года в год должна в ней сохраняться на счастье рода частица кумыса предков. Осталось хорошенько взболтать молоко кумысной мутовкой – полым дырчатым рожком на палке, закрепленной вглухую в горловине сими́ра. Кто бы ни проходил мимо, станут помешивать жидкость. О том даже присловье есть: «Женщина ласку любит, отрок остратку любит, доха – чтоб ее починали, кумыс – чтоб его взболтали».

Лахса крутила между ладонями длинную ручку мутовки и шептала благословение над кумысным начатком. Старалась, как подобает при этом, притягивать к себе радость, но сердце у нее не было легким: дочь вплела в косы ремешки с яркими бусами, собралась куда-то. «К Уране наострилась», – подсказывало наитие.

Кого корить? Раньше, случалось, сама посылала девочку к скучающей без детей кузничихе. После увидела, как Илинэ с увлечением шьет-вышивает под приглядом Ураны, и словно не в ровдугу дочка иглу воткнула, а в сердце Лахсы.

Ну вот, так и есть:

– Можно я к тетушке Уране пойду?

– Зачем?

– Она мне новое платье обещала к празднику сшить.

– Иди, – пожала плечом Лахса. А в груди так и зажглось, так и запылало! Она ли не наряжает это дитя, как не одевала собственных дочерей? Выгадывая на всем, мастерит, как умеет, Илинэ новые платьица. Моет ее кудрявые волосы с тонкой березовой золой, полощет в отваре крапивы, чтобы лучше росли и сильнее блестели. Наменяла на прошлых торгах ярких бусин и подвесок для кос. Лишь исполнилось девочке пять весен, проколола ей мочки ушей, собственные серебряные колечки-сережки продернула. Кто, встретив Илинэ, скажет, что Лахса дурно присматривает за ребенком? Никто не скажет! Лахса любит девочку наравне с родными детьми. Может, и больше... Она и думать забыла, что когда-то считала себя плохой матерью. Тайные эти мысли, как молодая беспечность и тяга к пустым разговорам, остались в прошедших веснах. Вместо них пришли вечные спутники матери – сладкая гордость и жгучий страх за детей.

Девочка подняла глаза. В них, темно-карих и прозрачных, как ягоды просвеченной солнцем черной смородины, лучились звезды:

– Платье, наверное, очень красивое. Тетушка Урана ловкая мастерица!

Резко дернув мутовку, Лахса едва не сорвала кольцо березовой втулки...

Ох, не зря коварная Урана приваживает Илинэ! Мало Атына забрать, еще и на дочку завидуший глаз положила!

– Долго не будь, – сказала спокойно.

* * *

Урана завязала последний узелок прошивки и расправила на лежанке готовый наряд для Илинэ. Платье из белой ровдуги было отделано пушистым мехом с брюха рыси. Узорчатые вставки из золотистой кожи на груди и спинке Урана украсила крохотными медными бубенцами. Наденет Илинэ обнову на праздник – любая женщина остановится глянуть на маленькую красавицу. Березки и те зашелестят от восторга юной клейкой листвой!

В каменной воде окна мелькнули косички с красными бусинами. Вот и девочка пришла.

– Есть новости? – спросила хозяйка, приглашая в дом.

Илинэ похвасталась, что главный жрец Сандал выбрал ее с Атыном танцевать на празднике.

Урана и порадовалась, и напугалась. Семь весен назад, спрятавшись за деревом на празднике, она осмелилась полюбоваться мальчиком, а вскоре после того умер неимоверно разжиревший пес Радость-Мичил. Говорят, еще долго пожил приневоленной человеческой жизнью. Урана сильно скорбела по горемычной собаке. Тимир даже рассердился:

– Худое ворожишь, глупая женщина?!

И она сразу замолчала. А в прошлом году, ненароком узрев идущего рядом с Дьоллохом стройного мальчика, еле сообразила – сын! Глаза закрыла от ужаса: не прознают ли злобные духи до назначенных пор об ее с ним ближайшем родстве? Однако успела разглядеть, что Атын статью вышел и лицом пригож. Может, нынче уже дозволено матери всласть насмотреться на своего птенца, о котором изболелось сердце? Ведь иначе Сандал бы поостерегся открыто в танце его выставлять.

Последние месяцы ожидания самые тяжкие. Но все на свете проходит, пройдут и они. Наступит лучшая осень в жизни Ураны: сын вернется в родную семью. Само счастье, словно огромное, ни с чем не сравнимое солнце, поселится в доме!

Илинэ подбежала к лежанке, всплеснула в восхищении руками:

– Ой, тетушка Урана, какое платье красивое! Спасибо тебе!

Живо сорвала с себя короткое повседневное платьишко. Мягко вымятая ровдуга обтекла ладную фигурку.

– Да, кажется, неплохо получилось, – согласилась довольная швея, придирчиво обдергивая и приглаживая вышивку. – Твоя матушка, наверное, будет рада. Ведь для священного танца как раз белое платье нужно.

Илинэ прошлась ладонью по золотистой вставке:

– Что придало коже такой цвет?

– Отвар желтого мха и дым сосновых поленьев.

Красители Ураны славились в долине стойкостью и густотой цвета. Тонко смолотые с коровьими сухожилиями, рыбьим клеем и еще чем-то, одной ей ведомым, они хранились на полке в закрытых тесках. Здесь были собраны краски разных веществ и цветов – от белого мела до жгуче-черной смолы, выгнанной из болезненного нароста, что появляется на репицах старых лошадей. Яркие смеси всухую втирались в продыmlенную ровдугу или кожу. После этого Урана какое-то время снова держала полотно в дыму, и цвет получался ровный, сочный, с легким бронзовым отливом. Поэтому люди называли красители жены кузнеца «калеными».

– Узоры на платье станут оберегать меня от дурных глаз? – спросила Илинэ.

– Не только, – отозвалась мастерица, потчуг маленькую гостью мороженными в леднике молочными пенками. – Узоры-знаки хорошее о человеке рассказывают. Строчка «лесенка» говорит об его росте в разных умениях, «небо» – о любви к красоте, «уруса» – о привязанности к дому... Люди по этим меткам поймут, что девочка ты домовитая и работающая.

– А у цветов тоже свой смысл?

– Конечно. Золотистый – цвет яруса неба, где живет Дэсегей. Синий – небесная высота и речная глубина, то есть мудрость. Серый означает цвет почвы Срединной земли. Красный – цвет имеющих кровь. Черный... – Урана вздохнула, – цвет тайн и ночи.

– А белый?

Хозяйка улыбнулась любознательной девочке:

– Это самый чистый, священный цвет. О нем есть песня.

Никогда не пресытится белым ликующим цветом
северянин пытливый, чье зренье, как лезвие, остро.
В белом цвете он видит четыре двадцатки оттенков,

тонких, словно душистые запахи праздничных ветров.
Это бело-молочная щедрость любимой коровы,
лоск суората изжелта-белый и кёрчэха кипень,
перламутрово-белая стружка мороженой рыбы,
бело-розовый лакомый жир из костей жеребьчих...
Это весть белопенная Новой весны плодородной,
блеск прохладный зубов в осуохая солнечном круге,
жажду почв утолившие бело-прозрачные росы
и осенняя дымка в тенетах седой паутины...
Это снега лебяжьего пуха и белесое утро,
тени легкие, светлые – жители спящих сугробов,
ледяные утесы реки от зари до заката –
нарумяненные, с позолотой, свинцовой подводкой...
Это дева Луна, грустный лик ее нежно-лилейный,
бело-искристых звезд равнодушные, стылые очи,
сок кумысный небес, источаемый Северной Чашей,
предрассветные светцы – серебряно-белые в синем...
Это цвет самый чистый и гордый, он знает победу:
в ослепительно-белых сполохах разбуженных молний,
покоряясь ему, высветляются, блекнут и вянут
все цвета остальные, послушные воле безгрешной.
Он бесхитростен и непорочен, как малые дети,
он – негаснущий огонь в бескорыстных и любящих душах,
он – рождения цвет и ухода по вечному Кругу...
Это цвет Дэсегея и в небо летящих поводов!

– Тетушка Урана, можно я возьму у тебя малость белой краски? – отважилась Илинэ. –
Еще голубой... и травяной немножко... чуток ольховой темно-коричневой, охры желтой и
красной... хорошо бы и черной краски комочек...

Ни о чем не спрашивая, мастерица достала с полки несколько туесков. Открыла плотные
крышки:

– Краски в узелки насыплю, а белую скудель так в посудке и забирай. Такой глины полно
за горами, наши кузнецы туда часто наведываются.

* * *

Слыша в груди переливчатый звон колокольчиков радости, Илинэ спешила домой. Она
несла сверток с платьем, а краски оставила в секретной пещере. Песок и камешки весело текли
под ногами, бегущими вниз по горной тропе. Рядом, топоча и шурша, несло невидимое эхо.
Подножие холма обнимали розовые от распустившихся бутонов заросли шиповника – будто
кто-то набросал хлопья кёрчэха, взбитого с брусникой. Из соседнего леса неся аромат моло-
дой лиственницы, сплетаясь с вкусно курящимся дымком чьего-то летника. День благоухал и
светился, рыжее солнце подпрыгивало в глазах, как поджаристый колобок из карасевой икры
в масляной мисе. Тропа спускалась за излучину озера Травянистого к узкому прибрежному
лугу. Уже показался его краешек, пестревший вперемешку лаковыми чашечками желтушек и
ярко-голубыми каплями незабудок.

Выбежав из-за кустов, Илинэ остановилась. Ахнула тихонько: братья! Вот уж кого не
ожидала здесь увидеть. Однако вовсе не встретить ее они подросли. Стояли на берегу
спина к спине, встрепанные, настороженные. Стиснув кулаки, Дьоллох поднял подбородок и,

насколько мог, расправил плечи. Атын сжимал в руках черень топорика для рубки тальника. Рядом у воды воинственно прохаживались двое незнакомых больших мальчишек. Один, на вид ровесник Дьоллоха, был худой и высокий. Брови ломаные углами, в глазах студеной блеск, капризные губы изогнуты лучной кибитью. Второй парнишка чуть помладше, рдянощекий, бугристо-округлый, как колбаса, туго налитая кровью и молоком... Илинэ юркнула обратно в шиповник, пока ее не заметили.

Ох, беда! Братья, видно, нечаянно вторглись в чужие владения и успели наготовить вязанки красного тальника. Нежные тальниковые побеги с узкими стрелчатыми листьями еще не успели отвердеть. Такие и после просушки не потеряют запаха свежего весеннего ветра. Коровы охотно едят зимой этот корм вместе с сеном. На вечерней дойке, бывает, в коровнике треск-хруст стоит, точно свора собак кости грызет... Да о том ли поминать теперь! Похоже, местные ребята сочли грабежом хозяйственный порыв мальчишек. Жалко им, что ли? Вон сколько тут краснотала – аж в озеро лезут кусты!

Наверное, большие парни давно бы кинулись в драку, но, опасаясь топорика Атына, ходили вокруг. Высокий задирал Дьоллоха:

– Зачем ты привел сюда кузнецово чадо, горбун?

– Мы думали, берег общий, – сдержанно ответил Дьоллох.

– Ага, смотри-ка на этих недоносков, Топпóт, думали они! Не слышали, не видели, что место чужое!

– Оставьте нас в покое, и мы уйдем.

Пузан проговорил неожиданно тонким голосом:

– Пусть убираются, Кинтэй, ну их! Вязанки заберем, и ладно.

Названный Кинтеем обидчиво дернулся:

– Наше рубят, нам же топором угрожают... Эй, ты! – окликнул Атына. – Кто тебе топор сладил? Отец-кузнец или лентяй Манихай?

Забывшись, Илинэ высунула голову из шиповника. Толстый Топпот обернулся:

– Гляди, сестра ихняя приперлась!

Прятаться больше не имело смысла. Девочка вышла из-за кустов. Кинтей двинулся встреч и, покачивая головой, дурашливо всплеснул руками:

– Ах, сиротка несчастенькая, тонготский подкидыш! Кого явилась спасать?

«О какой сиротке он говорит? Что такое «подкидыш»?» – подумала Илинэ и на всякий случай наклонилась за камнем. Пока нагибалась, Кинтей подскочил и выдернул из ее рук сверток с праздничной одеждой. Белый наряд, блеснув золотистыми вставками, вывалился в траву. Парень присвистнул:

– Фью-ю, подскажи, где украла?! Много там еще такого осталось?

Поднял ногу, собираясь наступить на платье... Вряд ли наступил бы. Просто хотел посмеяться над Илинэ. Она бы выдержала, нашла, что ответить. Дома, споря с мальчишками, язычок наострила не хуже своего маленького батаса. Но рот открылся и тут же захлопнулся – стало не до слов: Атын отшвырнул топорик к вязанке и кинулся на обидчика!

Кинтей небрежно вымахнул вперед длинную руку. Илинэ пронзительно вскрикнула – брат с разбегу ткнулся в мосластый кулак! Вместе с глухим звуком удара послышался смачный хруст. Красная струя, выстрелившая из носа мальчика, залила его рубаху сверху донизу. Хлынула на рукав Кинтея, брызнула на рванувшегося Дьоллоха, на бело-золотое платье под ногами... В воздухе повеяло запахом железа. Сок жизни почему-то всегда отдает железом.

Бесшабашная удаль вдруг охватила Илинэ. Тело сделалось упругим и зазвенело натянутой тетивой. Так вот что чувствуют мальчишки, когда им приходится драться! Девочка с неистовым воплем ринулась в ворох бешено мелькающих рук и ног, в шум вдохов и выдохов, ударов, сопения и хрипа. Но Дьоллох не дал пустить в ход ногти и зубы, на остроту которых самонадеянно рассчитывала Илинэ. Сгреб за шиворот и, как кутенка, выбросил из кучи-малы.

Краем глаза девочка успела заметить злобно ощеренное лицо и побелевшие костяшки пальцев – кулак, разбивающий переносья, нацелился в горб старшего брата.

И тут произошло такое, чего никто не ожидал. Алым сполохом Атын взметнулся вверх и выкинул ладони перед лицом Кинтея. Тот с рычаньем устремился к нему, забыв о Дьоллохе, и словно в невидимую стену впечатался! Правая щека сплюснулась и поползла вниз со смешно задранным углом рта. Ошарашенный, парень отшатнулся назад. Покачался с глупым видом, кося бессмысленными глазами, и, как подрубленный, плашмя сверзился на землю. Вслед за тем на берег пала недоуменная тишина.

Первым опомнился Топпот. Дрожащей рукой коснулся багровой щеки товарища, потрепал ее и слегка ущипнул. Кинтей не шевельнулся. Подломившись в коленях, толстяк приблизил ухо к недвижной груди друга. Поднялся, и мясистые губы затряслись. Узкие глазки в ужасе выпустились на Атына:

– Убил... Ты его убил!

Дьоллох, не веря, лизнул грязную ладонь, поднес ее к полуоткрытым губам Кинтея. Обвел всех испуганным взором:

– Не дышит.

– Колдун! – пятась и показывая пальцем на взъерошенного Атына, взвизгнул Топпот. – Изыди, колдун, прочь, прочь от меня!

– погоди, давай разберемся, – попробовал образумить ополоумевшего толстяка Дьоллох, схватил за руку, пытаясь удержать. Но тот заорал дурным голосом, вырвался и пустился наутек. Только незагорелые ляжки засверкали сквозь порванные штаны.

У Илинэ кровоточил локоть. Кожа на руке ободралась, когда она, вылетев из свалки, проехала спиной по земле. Не смея заплакать, взглянула на братьев из-под руки. Веки Атына вспухли и зардели, переносица с носом вздулись бесформенной блямбой. Дьоллоху, видимо, крепко досталось и без последнего удара Кинтея. Горб выпер кверху, спина согнулась, как у смертельно уставшего старика. Мотнув подбородком в сторону поверженного, спросил:

– Что ты с ним сделал, Атын?

– Н-не знаю, – заикаясь, ответил мальчик.

– Но я же видел: ты выставил ладони вот так – и он упал, – настаивал Дьоллох.

– Я... правда, не знаю.

– Попробуй повторить еще раз. Вдруг он тогда встанет?

Атын послушно помахал перед Кинтеем ладонями. Дьоллох склонился над безжизненным телом:

– Эй, вставай, вставай!

Даже облачко тени не скользнуло по непробудному лицу.

На Дьоллоха, кажется, только что по-настоящему обрушилась страшная правда. Зажав рот руками, закричал приглушенно:

– Ты... человека убил!

Атын отпрянул, прикрываясь вздернутым локтем, будто тяжкие слова хлестнули, как плеть. Из разбитого носа к губам снова поползли красные полосы. Илинэ переводила взгляд от одного брата к другому. В душе, нещадно садня, лопались жгучие волдыри-вопросы. Что теперь будет? Что сделают с Атыном? Как им всем теперь жить?

И вдруг в бешено скачущие мысли вникла смутная догадка...

– Это не он! – воскликнула Илинэ сорвавшимся голосом.

Дрогнув, Дьоллох повернул к сестренке втянутую в плечи голову. Лицо Атына, без того изуродованное, исказилось страхом:

– Не я?.. Тогда кто же?

– Твой двойник! Он есть у тебя, такой же, как у дедушки Торуласса!

– Значит, ты все знаешь? Я же никому... Кто сказал?

Отрепанные глаза Дьоллоха округлились:

– Что-о? У тебя есть близнец-хранитель? Идущий впереди?!

Атын не успел ответить. На тропе, ведущей из лесу, показался всадник.

Конь был странного цвета – солнечно-рыжий, с белым пятном на лбу, а человек седой, но не очень старый. На правой щеке его белел шрам-зигзаг. «Молниеносный», – сообразила Илинэ. Она знала, что суровые ботуры живут в заставе, куда невоенные люди раз-два зимой собираются на общий сход в Двенадцатистолбовой юрте, а в другое время без нужды не ходят.

– Багалык, – прошептал Атын, отступая к зарослям тальника.

* * *

Хорсун быстро оценил обстановку. Задержал взгляд на топорике, проваленном обухом в вязанку. Спешился, коротко кивнул на испуганное приветствие мальчишек и не спросил новостей. Что спрашивать? Любому ясно: было сражение, пролилась кровь. А главная «новость» теперь покоилась на земле и не подавала признаков жизни. Рядом на истоптанной траве валялась чья-то попорченная праздничная одежда.

– Что с ним? – кивнул багалык.

Горбатый паренек пожал плечами, не в силах молвить ни слова.

– Помер, – выдохнула из-за его плеча растрепанная девочка.

– Как это случилось?

– Я его немножко стукнул, – пробормотал горбун, опустив глаза. – А он упал и... больше не встал.

Девочка выдвинулась вперед:

– Нет, не Дьоллох ударил, а я. Ногой, – подумав, добавила она.

– Не слушай их, багалык, это я убил Кинтея, – прогундосил, вылезая из кустов тальника, мальчуган с расквашенным носом. – Не хотел, но нечаянно... убил. Так получилось... Я виноват, меня и забирай. – Он подошел к брату. Глаза сквозь щелочки опухших век сверкнули отчаянием. Мальчик не лгал.

Багалык подсел к сраженному парню, пощупал запястье. Хмыкнул и вдруг сильно хлопнул по щеке. По второй щеке большая ладонь без всякой жалости шлепнула еще сильнее. Павший зашевелился и, глубоко вздохнув, закашлялся.

– Живой ваш мертвец, – засмеялся воин.

– Живой! – звеняще отозвалась девочка.

Птицей вспорхнула к застывшему изваянием мальчонке с расшибленным носом. Затормошила, крича:

– Атын, ты не убил его! Он живой, живой!

Кинтей сел. Покачиваясь, протер чумазое лицо с пылающими от пощечин скулами. Ошалело вытаращился на багалыка.

– Доброе утро, – весело поприветствовал Хорсун.

Ничего не соображая, парень мотнул всклокоченной головой и попытался подняться.

– Э-э, а это еще что такое? – Багалык вытянул из-под него что-то странное, похожее на высушенного суслика. Озадаченно уставился на хвост, оказавшийся витым шнурком, и порванный кошель. Из него и вывалился застывший трупик.

– Это мое! – громко крикнул Атын и выхватил сусличьих мохнатых лапок из рук багалыка. Никто и подумать ни о чем не успел, как мальчик, прижав к груди диковинную игрушку, помчался по береговому лугу.

Он неся опрометью, несмотря на то что окровавленная рубаха прилипла к телу и стесняла движения, и уже пересек излучину, когда наперерез ему из кустов вылетела гурьба вопящих

людей. Впереди бежала истошно голосившая женщина. За нею поспешал грузный парнишка, задыхаясь и вереща:

– Вот он, убийца, вот колдун, ловите его!

Круто поменяв направление, Атын повернул к горам.

Наверное, за ним бы погнались, если б не воин. Он встал на пути, и лицо его было обидно насмешливым. Передние чуть замедлились. А тут еще поднялся «убиенный» и, прихрамывая, двинулся родичам навстречу. Женщина и толстяк застопорились на ходу и повалились наземь под напором задних.

– Чего орете? – скривился Кинтей в досаде. – Не видите, что ли, – живой я.

Он поворотился. Не глядя на багалыка, окинул девочку ненавидящим взором и процедил сквозь зубы:

– Тонготский подкидыш! – Погрозил кулаком Дьоллоху: – Передай кузнецову отродью – встретимся еще...

Преследователи помогли подняться толстяку и женщине. Пошумели, топчась на месте. Стоит ли вздорить с багалыком из-за пустяков? Охотники до чужого добра достаточно проучены и больше сюда не сунутся. Кинтей почти не пострадал, если не считать ушибленного колена. Гомоня и размахивая руками, ватага скрылась за излучкой.

Девочка подобрала с земли потоптанную одежду и громко всхлипнула. На белой ровдуге платья темнели следы грязных ног, от брызг крови подол окрасился пятнистой ржавью, несколько бубенцов оторвались.

Ползая по траве в поисках украшений, Дьоллох пробурчал:

– Не реви, матушка почистит.

Тронув поводья, отъезжающий багалык усмехнулся. Храбрая девочка плакала из-за платья. А ведь только что не побоялась страшную вину на себя взять. И дралась, надо думать, отважно, с мальчишками наравне. Хорош и паренек-калека с красивым именем Дьоллох – Счастливый. Да и второй, убежавший со своим сушеным зверьком... Как его – Атын, кажется? – тоже отчаянный малый. «Кузнецовым отродьем» назвал его Кинтей. Сын Тимира, судя по этим словам. Знать, уродился в роду, знаменитую наследной силой, коль удалось уложить почти взрослого парня.

Хорсун видел Дьоллоха раньше на праздниках, слышал хомусную игру юного искусника. А двое младших, выходит, приемыши Лахсы и Манихая. Ладных детей вырастили эти вроде бы несуразные люди.

Прежде чем тропа повернула в лес, багалык, сам не зная зачем, обернулся. Девочка перестала плакать. Прижимая платье к груди, она внимательно смотрела на Хорсуна. Взлохмаченные кудри темным облачком обрамляли круглое, в грязных потеках лицо. Багалыку вдруг стало жарко: это лицо ему кого-то мучительно напоминало. Кого же?.. Сколько ни силился, так и не смог вспомнить.

* * *

Илинэ пришла поздно. Молча шмыгнула за занавеску, но Лахса заметила припухшие глазенки, порванный рукав на локте, и сразу сердце зашлось. Метнулась к дочери:

– Где была так долго? У кузнецов? Кто обидел?

Девочка опустила голову, и по щекам снова покатились слезы:

– Мы подрались...

Лахса ахнула в изумлении:

– С кем? С Ураной?!

– С чего бы я стала драться с тетушкой? – поморщилась Илинэ, вытирая ладонью лицо. – Она мне платье сшила. Белое... А я его на землю уронила, когда мы с Дьоллохом и Атыном немножко подрались с мальчишками, что живут у другой излучины.

Не сумев подавить судорожного вздоха – последыша плача, девочка подала свернутое в ком платье. Лахса встряхнула, сокрушенно цокнула языком:

– Да-а, красивое какое... было. А кровь откуда на нем?

– У Атына нос разбился.

– Сильно?

– Не очень. Ну, может, маленько сильно...

Дочь прижалась к Лахсе, горячо задышала в грудь, и женщина постаралась влить в голос как можно больше бодрости:

– Ничего страшного. Почистим, подбелим платье, Урана и не заметит.

– Матушка, что значит «тонготский подкидыш»? – глухо проговорила Илинэ.

Лахса затаила дыхание, съежилась пышным телом, как гора, пожелавшая превратиться в мышь...

– Так назвал меня Кинтей из чужого летника. Матушка, спросить хочу... Вы с отцом воспитали Атына. Он – сын кузнеца. Об этом все знают. Скажи, а я? Кто – я, чья? Мне ты родная?

Вот и настало время вопроса, с боязливым трепетом ожидаемого с давних пор. Людскую память не смоешь дождями времен, злую молву плотиной не преградишь...

– Нет, – скорбно и честно ответила Лахса. – Нет, Илинэ, не я – та, что носила тебя в чреве. – Встретив беглый горестный взгляд, заторопилась: – Но разве это важно? Ведь главное, что ты любима, как кровное, родимое дитяtko. Значит, я – родная тебе.

Лицо девочки на миг прояснело и тут же вновь омрачилось:

– А кто она – моя настоящая матушка?

– Женщина из неизвестного тонготского кочевья, – обреченно вздохнула Лахса. – Видимо, умерла от тяжелых родов... Тогда как раз случилась сильная буря. Может, ты слышала – год твоего рождения называют Осенью Бури. Крупный град побил зверей и птиц в лесу, деревья валились, горы и небо тряслись. Кочевники бежали от страшных вихрей, а тут еще это несчастье – умерла бедняжка... Погребли ее, верно, где-нибудь в ущелье, – камнями завалили, песком засыпали. Не до ладных похорон в лютую пору. А тебя, новорожденную, подкинули к жрецам...

– Вот почему подкидыш, – поняла Илинэ. – Стало быть, моя матуш... та женщина умерла из-за меня?

В застарелые опасения Лахсы ринулся новый страх: девочка еще и в чьей-то смерти винить себя начала!

– Что ты, что ты, никто в этом не виноват! Так распорядился бог-случай Дилга.

– А отец? Куда делся мой настоящий отец?

– Откуда мне знать?! – вскричала Лахса в тоске, рискуя разбудить храпящего на весь дом Манихая.

Заскрипела дверь, впуская вошедшего бочком Дьоллоха. Лахса с облегчением отступила от Илинэ, заторопилась к нему и снова остановилась: лицо сына было чисто умыто, а под скулой багровел кровоподтек.

Распрямив перед матерью плечи, Дьоллох невольно скривился от боли. Лахса пересилила себя, не стала унижать взрослого парня оханьем и причитаниями. Остановилась подле, сложив на груди руки. Уверенная, что второй драчун моется во дворе, спросила, чтобы заполнить затянувшееся молчание:

– Атын где?

– Не знаю.

Лахсе показалось, будто не только она сама, а вся юрта начинена сердечными терзаниями и смятением, и тревожно выжидает чего-то.

– Разве вы были не вместе?

– Да. – Дьоллох покосился на сестренку. – Но потом он ушел.

– Уже поздно, скоро ночь!

– Мы искали...

– Придет, никуда не денется, – подал голос проснувшийся Манихай. Закряхтел, поднимаясь: – И раньше такое бывало.

...Верно, Атын пропадал и раньше. Три весны назад в Месяце белых ночей также не пришел домой. После долгих поисков, почти на рассвете, нашли спящим под сосной на горной опушке. Измученная Лахса тогда едва не задушила мальчишку в объятиях, одновременно вымещая пережитый ужас крепким тумакон:

– Ты почему ничего не сказал и ушел?! Напугал всех!

Атын смотрел виновато, но был рассеян и не мог скрыть какой-то невнятной радости, будто его разбудили посреди счастливого сна. После рассказал, что шел вверх в гору просто так, шел и шел, – казалось, тропа присыпана не старой хвоей, а стриженной шерстью золотого оленя, – и уже собрался повернуть домой, как вдруг Великий лес начал разговаривать с ним. Шелест деревьев, свист ветра и дразнящий шепот эха складывались в узоры красивых слов-звучков. Атын хорошо понимал эту странную речь и сам отвечал похоже – тихим смехом и свистом. А тропа звала в зеленую глубину вечера, выпевала шорох веселых шагов и обещала волшебство, и не обманула. На тропу выскочила лиса, оскалила пасть в улыбке и побежала сбоку – собака, и только! Атыну совсем не было страшно. Очутившись у сосны на опушке, сел на пушистую шкуру травы, погладил рыжую спутницу по спине и услышал гул мягких почв, поманивший прилечь. Лисе стало неинтересно, повертелась немного рядом и растворилась в лесу.

Лицо и руки защекотали стрекозы крылышки, вначале робко, затем все смелее и смелее начали ластиться мелкие духи, детки Эреке-джереке. В густом звонком воздухе всплывали нежные лица, лукавые глаза-светлячки, под разноцветными платяницами мелькали крохотные ножки. Атын лежал, шелохнулся не смея, и незаметно уснул...

Манихай не поверил ни единому слову. Малец, конечно, сочинил сказку, мечтая о невозможном. Либо пересказал виденное в грезе. Мало ли что приоблазнится в тайге, погруженной в колдовскую белую ночь.

Лахса рассудила: мог посмеяться над мальчишкой дух лесной, известный шутник Бай-Байанай.

– Никому не болтай о своих разговорах с лесом, – сказала Атыну.

Он послушно кивнул:

– Не буду. А то Эреке-джереке перестанут показываться и звери не будут улыбаться мне, да ведь, матушка?

Лахса подумала: что, если и в этот раз Атын забрел далеко, уснул под деревом, а тут его лесной старик учуял, не успевший насытиться дарами лета?!

Постаравшись прикрыть безмятежностью страх разбереженного сердца, она неторопливо выпила воды, постояла у порога, полная видений одно жутче другого, и сказала обыденно, как о заблудившейся корове:

– Пойду-ка я, поищу.

– Я с тобой! – вскинулся Дьоллох.

– И я, – уцепилась за рукав Илинэ.

Манихай только ладонью махнул:

– Идите, идите, а то и впрямь как бы чего... Я дома подожду, вдруг явится.

...Белая кумысная ночь спрятала луну и звезды в сплошном серебристом мареве. Обволакивая траву и низкие кусты, стелилась влажная дымка, словно хозяйка Земли Алахчина надавила на пышную грудь и опрыскала лес живительным млечным соком. Время двух варок мяса дети и Лахса безуспешно искали окрест, звали: «Где ты, ответь!» Потревоженные листья сонно шептались: «Кто выкликал кого-то, не называя имен?»

Спеша за матерью, размашисто ступающей по горной тропе, ребята о чем-то заспорили. Лахса потихоньку умерила шаг, прислушалась.

– А я говорю – у Атына есть Идущий впереди, – убеждала Илинэ брата.

– Чушь, – возразил Дьоллох, – нет и не может быть у него двойника. Гораздо интереснее тот скелетик, который он таскает с собой на шнурке в кошеле от кресала. Не побоялся вырвать из рук самого багалыка. Знать, эта луговая собачка ему зачем-то нужна. Надо же, мне ничего не сказал!

– Тогда объясни, как Атын сумел оттолкнуть Кинтея, не прикоснувшись к нему? Не суслик же мертвый здорового парня пнул! Топпот кричал, что Атын – колдун...

Дьоллох задыхался, кажется, больше от возмущения, чем от ходьбы:

– Все у вас с ним какие-то секреты!

– Ты сам слушать не хочешь ни меня, ни Атына.

– Забудь его имя, пока мы бродим в лесу! У леса много ушей и глаз, у гор одно эхо, да всезнающее и многоголосое. Если брат заимел двойника, о том тем более нельзя говорить! – Дьоллох помедлил. – Но скорее всего он возомнил духом-хранителем свою дурацкую игрушку.

«Об Атыновом близнеце речь вели», – уразумела Лахса. Вот оно как обернулось! Должно быть, Манихай рассказал детям байку о старом Торуласе и его двойнике. Женщина вспомнила: Атын лепетал что-то подобное, когда нашел заостренный трупик братца, засунутый в щель...

– Матушка, я, кажется, знаю, где он, – сказала вдруг за спиной Илинэ.

Шумно отдуваясь, Лахса остановилась.

– Где же?

– Думаю, в пещере под Скалой Удаганки...

– Ты тоже была в пещере? – сузила глаза Лахса, только теперь осознав, в какие дебри заходят ее ребята. А она-то, наивная, полагала, что бродят с соседской детворой на ближних лугах!

– Да, – виновато подтвердила девочка.

Признание сестры ошеломило Дьоллоха:

– Сколько раз твердил, чтобы не смели никуда убегать без меня!

Раньше Лахсе не приходилось бывать в воспрещенных горах, высоком владении жрецов, где горные духи немилостивы к женщинам. А кое-кто из соседок, между прочим, собирал ягоды в здешнем лесу, и ничего страшного не произошло.

Лахса решительно повернула к жреческому селению.

Грозные ветра гудели в угрюмых вершинах. Оглядываясь пугливо, женщина дивилась: причудливые скалы напоминали вставших на дыбы коней. Их вздернутые кверху маковки-морды заволокло мгlistой пеленой поднебесья. Казалось, кони вот-вот опустятся на землю и великанские копыта придавят людей, в страхе бегущих по каменным стежкам. Махина Каменного Пальца вздымалась над всеми горами. Облака клубились тут особенно низко. По белой тверди утеса, теряясь в тумане, змеилась лестница с трехрядными поручнями с обеих сторон. В гладком подножии ни мха, ни лишайника, лишь по краям откинута лопнувшие слоистые пласты, будто чудовищный перст только что проткнул подземные толщи. За утесом смутно темнели юрты жрецов. В окошке ближней, должно быть Сандаловой, мерцал огонек.

Миновав, наконец, опасное место, спустились к Скале Удаганки. Еле заметная тропка, видно звериная, исчезала в кустах. Подняв глаза на скалу, потрясенная Лахса прижала ко рту ладонь:

– Ой, как живая!..

Лицо скалы, словно прямо в небе вырезанное, смотрело на них из-под волнующейся дымки пристально и строго. Оскользываясь на остром щебне, сквозь колючий шиповник Лахса устремилась к округлому камню – стражу пещеры. Зашла, и силы покинули – сползла по валуну, осев на пол.

Атын спал почти у входа, у левой стены. Опухшее лицо его было зверски избито, рубашка вся заскорузла от крови... А по стене, внезапно залившейся лучами восходящего солнца, над яркой травой и цветами летела белоснежная кобылица, во всю ширь распахнув перистые крыла!

Дьоллох тихо ахнул, да так и остался стоять с открытым ртом. Илинэ прислонилась спиной к противоположной стене, восторженных глаз не сводя с дивного рисунка.

Завороженная Лахса потеряла дар речи. Она когда-то видела старинное полотно шелк, расписанное диковинными облаками и звездами, – должно быть, сама красота небесных ярусов жила в искусных пальцах чужеземного мастера. Доводилось рассматривать Лахсе и танцующих человечков на священном Камне Предков, намалеванных красной охрой древним шаманом. Соседка говорила, что в пещере этого камня, где юные воины проходят неведомое испытание на Посвящении, будто бы тоже нарисованы люди. Их прашурные души вольны предсказать ботурам боевую смерть...

Но все это было другое. А здесь крылатая кобылица Иллэ неслась навстречу, косясь на Лахсу иссиня-черным выпуклым глазом. Вот-вот вырвется из стены и унесется в небо с шумом и ветром...

Неуловимые, странные мысли волновали растерянную женщину. Лахса не могла объяснить себе их болезненной нежности. Не умела истолковать хрупкого и живого, воочию зримого чуда. Смежила усталые веки, подумав, что выше джогура, чем у Атына, она никогда не встречала.

Под стеной рядом со спящим мальчиком валялись цветные лоскуты ровдуги и размахренная лучинка, стоял испачканный белой краской туесок.

– Почему он нарисовал кобылицу? – спросила Лахса и устрашилась собственного голоса. Он словно брешь прорубил в почтительной густой тишине.

– Я попросила, – еле слышно пробормотала Илинэ.

– Почему? – повторила Лахса.

– Так, – потупилась девочка, – это мой сон.

– Я предупреждал, что нельзя, но они меня не слушаются, – пожаловался, отмирая, Дьоллох.

Голоса разбудили Атына. Помогая мальчику подняться, Лахса почувствовала на его груди что-то выпуклое и твердое. «Близнец», – поняла женщина, и горло ее перехватило отчаяние.

Домм третьего вечера. Кумысный праздник

В какое бы время года ни явилось на свет дитя, незримые лучи за его спиной взмывают кверху в Месяце рождения – вот почему счет человеческому бытию ведется по прожитым веснам. День весеннего равноденствия дарит триединой душе связь с небом. До конца своего срока на Орто человек с солнечными поводами может рассчитывать на помощь богов.

Вершина Нового года – Новой весны – празднуется в день самого долгого солнца, что в середине Месяца белых ночей. В этот день открываются двери миров. Боги, спустившись до пешего неба, прислушиваются к просьбам смертных, и все сущее славит Белого Творца.

Накануне праздника жрецы окурили поляны Тусулгэ дымом растений, изгоняющих бесов. Украсили березовые рощи волосяным вервием с дарами добрым духам, окружили алас священным кольцом. С появлением юной луны Сандал окропил маслом комель Ал-Кудук – Матери Листвени – и попросил у великого древа удачи для большой благодарственной молитвы. Готовясь к торжеству, он ел в последнее время скудно, пил лишь ледовую воду и ни с кем не разговаривал. Посредник между мирами должен быть чист духом и телом. Лишь под утро перед праздничной церемонией выпил чашку свежих сливок для придания бодрости телу.

И вот по горам веселым топотком промчались звуки многоступенчатого бубна высокого неба – праздничного табыка. Под ликующий бой и грохот Тусулгэ начала наводняться народом. По Большой Реке приплыли плоты и лодки гостей. Всюду слышались приветствия знакомых, не видевших друг друга долгую зиму:

– Есть новости?

– Есть!

Главный жрец встал в середине аласа у трех коновязей, повернул лицо к востоку. Три лошадиных головы выступали в наверху среднего столба. Они означали восход, зенит и закат. Второй столб наблюдал за происходящим в сторонах света восемью зоркими глазами четырехглавого Эксэю. Третий, в виде чорона, замыкал коновязный Круг. Как на любой кумысной чаше, на этом чороне были вырезаны трехпоясные узоры. Рисунчатые полосы имели собственные имена: широкие и тонкие – Земная сила, ломаные линии – Урасы, треугольники – Сущее с плодами. Такой же кубок, новый и полный кумыса, желтел в руках Сандала. За правым его плечом костоправ Абыр держал наготове священный ковш с тремя прорехами. Слева травник Отосут приподнял над собой белый дэйбир. Дальше в два ряда выстроились по росту остальные озаренные с чоронами меньшей величины и дети в светлых одеждах.

Чудесно прозрачно текущее время равновесия между белой ночью и солнечным утром! Гибкие мгновенья можно сжать, как кустик ягеля в горсти. Или, наоборот, расправить и удлинить... Разговоры примолкли. Легкий ветерок Тусулгэ перестал брентать колокольцами на дохах жрецов. Стало тихо-тихо. Так тихо, что замер воздух.

Но неожиданно послышался свист северного ветра! Глумливый и шумный, он закружил у трех коновязей мутным смерчем, повертелся и схлынул, оставив на главном столбе черную птицу.

– Ворона! – охнули, зашевелились люди.

Покрутив лоснящейся головкой, мерзкая вещунья на всю поляну проорала: «Каг-р, кар-ра, кар-р!» Из тяжелого чорона Сандала прежде времени выплеснулись капли кумыса. Словно студеная зыбь прокатилась по дрогнувшей левой толпе женщин, тревожным шепотом – по правой мужской. Недобрую примету явила носительница темных сил!

Нарушив равновесие, злодейка снялась с коновязи, сделала над аласом зловещий круг и унеслась за рошу. Но тут на востоке показался первый светец, и все облегченно вздохнули – никакой вороне не отменить праздничного восхода! Вслед за тем вспыхнули, окрасили небо румянцем лучистые вестники и выглянул краешек малинового диска. Осязаемое время отчет-

ливо ускорило нежные шаги мгновений. И то ли земля вокруг себя обернулась, то ли боги запустили вращаться в небе вселенский ытык – выплыло вызревшее солнце вершины года. Огромное, лучезарно-огненное, ослепительно-белое, оно было как... с чем бы сравнить? Как солнце! Ибо ничто не сравнится с ним, самым лучезарным и ослепительным.

Солнце отразилось в засиявших глазах людей, разгорелось в гривах и серьгах, блеснуло в каждом кумысном кубке.

Передав Абыру чорон, Сандал зачерпнул кумыс дырчатым ковшом и брызнул во все восемь краев Орто – оросил землю живительным соком, как человек-мужчина орошает женщину во имя рождения новой жизни. Махалка, замелькавшая в руке Отосута, нагнала ветер аласа, чтобы щедрые брызги унеслись далеко.

– Домм-ини-домм, – пропел-прогудел Сандал волшебные звуки, отворяющие врата миров.

– Домм-ини-домм! – Он теперь всегда произносил эту заповедь-ключ, десять весен назад услышанную в песне небесного огня.

– Домм-ини-домм! – трижды, как когда-то в пещере Скалы Удаганки, где он нашел жену багалыка... Но об этом сегодня нельзя вспоминать. Жрец постарался закрыть дверь, выпустившую сквозняк виноватой памяти. Из груди вырвались первые слова молитвы:

– *О Великий! О Белый Творец, Созидатель всех сущих миров, обитающий во временах на вершине девятих небес!..*

Еще в селенье верховного Ньики, многие весны обучаясь мастерству песнопений, Сандал овладел их секретами. Звуки, вызванные игрой голосовых связок, грудного голоса и подголосков живота, подстраивались под течения ветров, приносили всеобщее умиротворенье и согласие душ. Важны были место и время, смысл и число слов, их очередность и красота созвучий. «Чувствуй слово в себе, как твоя кожа чувствует освежающий ветер, как горло ощущает прохладу родниковой воды», – говорил белобородый Ньика... Но сегодня темное предвесье сбило настрой, и часть нужных слов вылетела из головы. Пришлось собрать те, что приспели в смятенные мысли. Что бы ни случилось, главный жрец отвечает за действенность молитвы. Она призвана дать людям широкое дыхание и расправить им плечи. Должна бесследно уничтожить дурную примету, даже если в голове Сандала, стоящего у мировых врат, сейчас растерянность и хаос.

В отчаянии обратившись к Творцу, жрец в мыслях произнес Его подлинное Имя. И снизошло: голос освободился от напряжения, вспомнились подготовленные слова. Молитву подхватил ветер и разнес округ. Она зазвучала увереннее и громче.

– *Щедры свет – из очей Твоих, лунный обод – ухо Твое, гром раскатистый – речь Твоя, молний блеск – Твой разящий кнут! О Небесный Отец, прошу: незрелых Твоих наставь на немеркнущий веры свет! Невезучим Твоим шепни заповедную предков мысль! Нездоровым Твоим дай сил слабость немочей одолеть! Пробуди зерна новых душ в чашах-лонах, что ждут давно!*

Молитва росла и разбрасывала искры эха в горах, влетала брызгами радости в раскрытые входы миров! Сандал наконец почувствовал ее вдохновляющую силу. С трепетным благоговением внимал ей народ, очищаясь и светлея. Озаренный этим чудом, жрец будто приподнялся над землей на высокой волне объединенного духа.

Вдогон за Сандалом помощники троекратно возносили чороны к небу и разбрызгивали на траву кумыс, освященный Белым Творцом и Солнцем. Мужчины и женщины с обеих сторон, тоже чуть расплескивая, отпивали по глотку из своих кубков. Березовый воздух Тусулгэ исполнился матового сияния – снизошла белая благодать. Небо соединилось с Землей, а люди соединились с Землей и Небом в единый Круг со всем сущим, что разделяет общую жизнь в Великом лесу.

Дети с длинными поводьями за плечами выбежали на середину аласа и превратились в божественных жеребят. Закинув головы, они то собирались в сверкающий круг, то рассыпались парами. Издавая серебристое ржание, с притопом-прискоком закружились по поляне. Солнечными зайчиками мелькали над травой резвые ноги, обутые в белые сапожки-торбаза. Лучи-поводья выплетали в воздухе бегучие узоры священных знаков.

– Благородный конь Дэсегей, чистый делом, нежный умом, из жилища о восьми углах за восточной алой грядой!

Сандал пел с присущим этому благодаренью гортанным отзвуком. Чарующий танец юной весны размягчил женщин, а суровые мужи украдкой вздохнули о прошедшей молодости. О стариках что и говорить – гордились внучатами! Высмотрев среди танцующих ненаглядного сына, плакала от счастья кузнеца жена Урана. Она не заметила Илинэ, не увидела ее старательно вычищенного, заново отбеленного платья...

Младшие жрецы завертели лучинки в середине сухого полена, и вскоре их ладони окутались дымком. Добыли огонь Нового года. Молодые матери встали вокруг, подтолкнули одна к другой нарядных малышей, встретивших первую весну. Зазвенели медные бубенцы на белосерых платицах из нежного меха белки-летяги, на бело-пятнистых рубашонках из брюшного рысьего меха. Заблестели, заиграли лучами медные гривны с оберегом хаххаем. Детки падали и вставали, и переходили из рук в руки, семена пухлыми ножками вокруг причащающего огня.

Как жертвенный дым, густы и пряны похвалы божествам, духам Земли и вод, усадеб и очагов. Крепко воскурились ароматные травы, краснощекий дух-хозяин поднял к небу масло и лакомства в дымной чаше. Затрещит ли громко полено, отскочит ли уголек, ветер ли потянет за собой клубящийся дымный рукав, – все в праздничном костре предсказывает и вещает, успевай только спрашивать. Три дня будет гореть костер, меняя цвет пламени с утра до ночи, с ночи до утра.

Завершая церемонию, Сандал зачерпнул полный ковш кумыса, подкинул его высоко и закричал:

– Уруй!

Едва подхватившись, радостные возгласы тут же умолкли. Досадный камешек подвернулся под священный черпак. Засуху пророча, набок посудку свалил.

Ни разу не случилось у Сандала такой неприятности. Ох, неспроста мучила небо и землю сухая гроза!

– Белый Творец, – пробормотал жрец в замешательстве, – благодарю за предостережение... За то, что не дал ковшу низвергнуться донцем вверх, не предрек Элен большего несчастья...

Второй раз все получилось как надо – белые брызги кумыса полетели весело и обильно.

– Уруй! – на все голоса завопил алас.

Какие бы приметы ни портили настроение, все равно – уруй! Быть праздничным потехам и лучшей еде. Люди расселись вокруг симиров. Вновь наполнили чороны – и потекли ручьи и реки кумыса! Кольцо аласа насквозь пропиталось жертвенным хмелем.

Кумыс принесли из всех родов. Хозяйки ревниво пробовали его друг у друга, определяя, у кого он чересчур кислый либо постный, а чей правильно «дошел». Каждая была убеждена: именно ее напиток самый вкусный – терпкий и острый, – шипит пушистым верхом, щекотно шибает в нос игристыми пузырьками. Выпьешь полную чашу веселящего кумыса – голова станет светлой, в животе зажжется огонь и ноги сами пустятся в пляс. Выпьешь лишку – в голове помутится, живот отяжелеет и ноги откажутся держать непослушное тело. А больше в тот день уже не выпьешь...

Дома для семьи пищу готовят женщины, а на праздниках у костров заправляют мужи. Тут и посуда огромна, и мясо варится большими кусками, печется целыми стегнами. Человеку-мужчине, потомку охотников, легче определить время готовности разного по вкусу мяса.

У каждого отвечающего за праздничную еду свои обязанности. Верховые пригоняют с поля не знавших узды и ярма коней и быков; ловцы набрасывают арканы; скотобойцы обрывают становые жилы; обдирщики снимают шкуры; мясорубы разделяют туши.

Весело смотреть, как хлопочет, круглым шмелем летает-жужжит над котлами дружинный мясовар Асчит. Чего только не умеет готовить мастер искусных блюд! Говорят, перешагнув через запрет, он варил мясо домашнего скота даже с лесной дичью. Духи животных не обижаются на него, не ссорятся между собой. Необыкновенно вкусной получается у Асчита мудрено сготовленная снедь. Знать, благосклонен к нему дух тайги Бай-Байанай, коль прощает подобные причуды.

Помощники мясовара мыли-полоскали кишки. Смешивали молоко и душистые травы со светлой отстоянной кровью для лакомой белой колбасы, густые остатки темной крови – для колбасы попроще. Другие снимали золотистые лохмотья пены в котлах, протыкали мясо узким батасом. Если вытекающий сок прозрачен, значит, готово. Третьи нанизывали на заостренные палочки дымные куски жеребьчих грудин и раздавали по Тусулгэ. Четвертые пекли на прутьях бычьи мошонки и подносили мужчинам. Женщины фыркали в сторону и прикрывали ладонями лица. Носящим платья запрещено смотреть, как носящие штаны вкушают сомнительное яство, срезая твердую шкурку ножом.

Прохожие останавливались поглядеть на состязание знаменитых рыбоедов. Новый невод достанется тому, кто съест вареного карася быстрее остальных, не повредив при этом его скелета. Обладатели особо проворных языков придерживали карасей пальцами с обеих сторон. Словно на диковинном инструменте играли, поводя то хребтом, то брюшком у края чуть раскрытых ртов. Лица у рыбоедов бесстрастные, глаза отрешенные, а с карася не то что кусочек – крошка не падает, все успевает подобрать юркий язык, бешено мелькающий между губами. Зрители еще и семи раз в ладоши не хлопнули, глядь – первый умелец отставил чистейший рыбий остов: эй, поглядите-оцените, не моя ли победа, не моим ли назовете невод?

Рядом голые по пояс маслоеды подставляли разинутые рты под запрокинутые ведерные бурдюки. Плавленным золотом текло в луженые плотки топленое масло, подрагивали и урчали тучные животы.

– Эх, пусть пропадает дурная утроба, чем добрая еда! – утирая блестящие подбородки и шеи, вздыхали толстяки. Потом им поститься три дня, не есть ничего, кроме кипяченых сливок. Не бурдюками, конечно, – ложками. По одной в день. Может, еще придется тащиться к знахарке Эмчите за средством от бунта в желудке. Есть чем рисковать, зато если выпьешь масла больше всех – получишь медный котел в награду за отчаянное обжорство.

Вслушиваясь в смачное рыганье маслоедов, старый табунщик Кытанах качал головой:

– В мое славное молодое время иные прорвы, бывало, высасывали масло трехведерными бурдюками! После думать не думали о вяжущем супе с лягушачьими лапками. Здоров и силен был народ, не то что нынче...

Сам дед хлебнул кумыса с чашку, маслом угостился с ложку, колбасы пожевал кружочек и был раздосадован – объелся.

... На двенадцатом году, прожитом сверх высшего человеческого века, седина старика окрасилась в бронзовый цвет. «Как желтоволосый нунчин стал», – удивлялись люди. Кытанах объяснял произошедшую с ним перемену ржавчиной макушки, ведь несчитаное число снегов и дождей на нее выпало.

Смерть Ёлю словно забыла о старце. Сандал подарил долгожителю костяную пластинку с отметинами его весен и велел каждый год добавлять новую насечку: «Будет чем поддразнить одноглазую, когда придет за тобой».

Кытанах был самым многовёсным человеком в Элен, старше Хозяек Круга, старше, может быть, всех стариков в Великом лесу. Но ни разум, ни силу корней памяти не потерял. Ноги, хоть и с трудом, продолжали носить тщедушное тело. Вот только со зрением вышла беда.

Дед неотвратно погружался в беспроглядную ночь. Травник Отосут пытался спасти его глаза. Чего только не перепробовал: заставлял смотреть вдаль сквозь глазницы рысего черепа, пугал беса глазной болезни, внезапно выкрикивая его имя в лицо старику; тщился с секретными заклинаниями выдернуть бельма, пристукая их к замороженной серебряной палочке. Ничего не получалось. Что-то, выходит, должен был забрать расчетливый Дилга взамен дарованной табунщику длинной жизни.

Семь весен назад похоронив старуху, Кытанах перешел жить к напарнику Мохсоголу, и тот стал его глазами.

Не зря носил Мохсогол имя остроглазого ястреба. Правда, уши его слышали не так чутко, как раньше, зато словоохотливость ничуть не убавилась. В подробностях рассказывал другу обо всем, что видел, а о чем по слабости слуха и памяти не успевал поведать, удачно домысливалось зорким воображением слепого. Кытанах теперь говаривал:

– Пусть из моего зримого мира ушли все краски, кроме черной, зато слышимый мир стал еще более широким и пестрым.

Миловидная баджа Мохсогола, ровесница его старшей внучки, преданно ухаживала за обоими стариками и одряхлевшими старшими женами мужа. Правнуки часто прибегали поиграть с младшим дедовским сынишкой, которого любила и баловала вся семья. Девятилетний Билэр, испугавшись чего-то в младенцах, был до сих пор немым, только мычал да гукал, а нынче, к общей радости, заговорил.

В последнее время старым друзьям понравилось лечиться. До изнеможения просиживали они в Горячем Ручье, что протекает по восьмигранной поляне у Матери Листвени. Растирали поясницы ядом гадюки и смесью сажи с девятью ложками масла, испрошенного из девяти юрт. Пили отвар из коры и семян четырех хвойных деревьев. Проверяли целебность кабарговой струи, пропуская через мешочек с нею жильную нить. Выйдет нить золотистая – значит, доброе лекарство, а просто вымокнет – стало быть, выкидывай без сожаления.

Подогрев снадобье, с головой закрывались шкурами и дурели от вдыхания мощного запаха, поддерживающего в человеке-мужчине бодрость и силу нижних мышц. Потом ночами Кытанах слышал, как Мохсогол, кряхтя и постанывая, пробирается к постели младшей жены. Может, затем, чтобы она, горячая, согрела его вечно мерзнувшие ноги?..

Уходить по вечному Кругу дедам вовсе не хотелось, а хотелось, пусть согнутым, пусть слепым да глухим, жить-поживать в любимой Элен.

– Эй, Мохсогол, мое сытое пузо растряски требует. Не пора ли нам прогуляться? – заерзал Кытанах, поглаживая тощий живот.

Старики помогли друг другу подняться. Оперлись каждый о свой посох и, покачиваясь на неверных ногах, отправились по кольцу аласа обсуждать-порицать состязания могучих и ловких. Попутно вспоминали давние весны, когда каждый был силачом, а стрелы на лету рукою ловил! А еще Мохсогол был не прочь поглазеть на красавиц. Почему нет? Уж тут-то с его стороны никаких порицаний не будет, одни похвалы. Лишь бы Кытанаху ничего не забыть рассказать!

Девушки весь год тайком корпели над шитьем, чтобы матери в желанный день подумали с гордостью: «Ох и мастерицу же я вырастила!» Чтобы отцы улыбнулись грустно: «Вырос мой жаворонок», а подружка ахнула от зависти: «А я так вышить не сумела!» И чтобы тот, высокий, с густыми бровями, который совсем не замечает, вдруг оглянувшись, вздрогнул и глаз не смог отвести...

Грехом считается, если юные носят богатые вещи, но сегодня – можно, сегодня – праздник! Было за что благодарить родителей, постаравшихся справить любимицам чеканные венцы и высокие браслеты со сквозными узорами. Верхний мир обозначен в рисунке пластин венцов, на спинках нарядов вышиты коновязи Орто, а на торбазах – корни мирового дерева Ал-Кудук, уходящие в землю.

Мягко облегают гибкие фигурки тонкие ровдужные платья с рукавами выше локтей. Опушка нарядов разная – у кого соболья, у кого бобровая. На груди певучие звонцы, сбоку на серебряных поясах узорчатые кошель с оберегами, маленькие батасы в кожаных ножнах. На руках прозрачные перчатки из бычьих пузырей с полосками вышивки... а украшения перечислять устанешь!

А косы-то, косы – струятся до пояса и ниже колен! Самая длиннокосая получит нынче в подарок серебряные серьги немыслимой красоты, с ясными звездно-голубыми камушками в витых кольцах. О таких мечтают девушки всех селений и стойбищ в Великом лесу. Мастерить серьги с подвесками из небесного камня умеет только эленский кузнец Тимир.

Послышались трели Люльки Ветра⁵, призывающей народ на зрелище. Девицы, рискнувшие войти в состязательный круг, распустили косы. Любопытные вихри, спеша ими полюбоваться, столкнулись лбами, и роскошные волосы взвеялись, распушились черными тучками. Из толпы восхищенных зрителей вышел дюжий парнище с широкими кулаками – вызвался сделать обмер. Чем же вернее измерить длину девичьих волос, как не охватом мужских кулаков?

– Эй, власомер, а намотай-ка ты гривы всех разом красавиц да и подними повыше кулаков, – предложили в толпе. – Заодно проверим, кто из них громче визжит!

– Ogлохнуть боюсь, – отшутился парень.

Переходя от одной девицы к другой, принялся перебирать «гривы» сверху донизу. Словно за ременные поручни придерживался, поднимаясь и опускаясь...

Обещанные серьги вручили счастливце, чья пышная косица не вмещалась в кулак, а длиною волосы девушки оказались в двадцатку кулаков, и на четыре из них по земле волоклись!

* * *

На краю аласа мужчины соревновались в стрельбе. Гости, приехавшие из дальних мест, с удивлением поглядывали на статную женщину, одетую в короткое платье и мужские штаны. Ее правая щека была помечена знаком-молнией, а за плечом возвышался гнутый рог боевого лука.

– Неужто из посвященных? – недоверчиво шептались чужаки, прибывшие издалека. – Неужто впрямь будет стрелять?

Свои, посмеиваясь, помалкивали. Все в Элен и других селеньях саха на много ночлегов кругом знали воительницу Модун, чей выстрел был так же меток, как слово. Возле нее стоял рослый мальчик, рыжий, точно летняя белка. По лицу, совсем еще детскому, ему можно было дать не больше двенадцати весен, но ростом он был со взрослого мужчину, и лук за его спиной не напоминал игрушечный.

Жужжали и взвизгивали стрелы, летящие в лошадиные бабки, – мишени, расставленные на трех пнях один дальше другого. Громко кричали зрители, отмечая попадания и промахи:

– Попал!

– И-и-эх, промазал!

– В цель!

Модун усмехнулась: много в жизни мелких, незначащих целей. А большая – одна.

Душой женщины управляла цель, которую она поставила перед собой в роковую ночь смерти мужа Кугаса и деверя Дуолана. Тогда ее жизнь изменилась столь же круто, как меняет направление по ветру беличий хвост-колдун, привязанный к коновязи. Иной раз Модун думала, что без той ночи ее существование было бы обделено четким смыслом, и мысленно просила прощения у воинов, десять весен назад погибших от рук предателей.

---

⁵ Люлька Ветра – музыкальный инструмент, напоминающий свирель.

«Уничтожить белоглазого», – с этой мыслью она ежедневно вставала со своей одинокой постели.

«Пока демон жив, беспокойно погубленным душам братьев», – твердила себе перед сном.

Все достигнутые малые цели приближали женщину к главной. Она знала: рано или поздно черный странник снова появится в Элен, и знала, что не промахнется. Впрочем, все равно, от какого оружия падет ненавистный враг, – от стрелы, копья, меча или просто рук, носящих дух возмездия на кончике каждого пальца. Лишь бы случилась победа!

После безвременной гибели родных Модун целую весну не могла натянуть тетиву мужского охотничьего лука в полную силу. Однажды, едва не вышибив большой палец левой руки ударом сутуга, в отчаянии закинула голову к небу и закричала Илбису:

– Ты пересилил меня, кровавый! Носящей платье не пройти Посвящение!

Бегала вокруг сросшихся кедров, деревьев Кугаса и Дуолана и, рыча от боли, держала горевший огнем палец, как факел на ветру. Обидно было – ведь не помогла и защитная роговая пластинка, привязанная к пальцу мягким шнурком! Модун в сердцах сорвала и выбросила ее. Носилась до тех пор, пока, запнувшись о корягу, не свалилась наземь.

Лежа в траве, женщина баюкала разбитый палец и вдруг заметила муравья, пытающегося перебраться через ремень упавшего лука. С трудом заползая на нежданную преграду, он опрокидывался обратно, однако упорно карабкался вновь и вновь.

Муравей мог бы запросто обойти ремень. Модун показалось забавным, что он не делает этого, а одержим непреклонным желанием преодолеть куда более сложный путь. Она хотела помочь настырному насекомому и подтолкнуть его к краю ремня. Но только протянула руку, как упрямец перелез через край и побежал по своим делам.

«Не иначе сердобольная душа Кугаса устала наблюдать за моими усилиями и отправила этого муравья», – подумала Модун. Отыскала защитную пластинку, кое-как привязала к распухшему пальцу и подняла лук с земли.

В тот день, борясь с неподатливым луком, она наконец сумела натянуть тетиву в полную силу.

Потом училась совершенству верховой езды и не раз падала с коня, рискуя свернуть себе шею. С боков не сходили черные синяки. Коросты ссадин трескались в движениях, словно запятки на пересушенной обуви. Но пришел день – и Модун сумела проскакать через долину, стоя в седле на ногах.

Потом она набивала кулаки о меховую мешок, туго набитый оленьей шерстью. На пальцах не заживала содранная кожа. Руки в предплечьях стонали разве что не в голос. Но пришел день – и удар Модун обрел крепость и расчет.

Потом она вырубил мечом кусты на кочкарнике в кёсе пути. Ладони покрылись кровавыми волдырями и жгучими мозолями, к которым, казалось, стоит поднести кусок сухой бересты – и вспыхнут огнем.

Но пришел день, и меч стал послушен рукам Модун, как дитя.

Муравей помог вырасти ее упорству, а упорство помогло запоминать и хранить в себе с пользой опыт любого испытания. Она прошла Посвящение.

Теперь Модун на полном скаку перелезала под животом коня. Тяжелый меч ее и в полразмаха не сумела бы поднять двумя руками ни одна женщина в Элен. Да ни одна б и помыслить о том не посмела! Модун не хуже иных ботуров метала ножи и лучником была, пожалуй, лучше многих. Любой молниеносный знал: встань он на месте пня с чурбачком на макушке, стрела воительницы смахнет цель, а на его голове и прядка не шелохнется.

У Модун не было времени воспитывать сына так, как воспитывают детей в большой любящей семье. Но внимательный мальчик, которому, может быть, порой не хватало ласки и совета матери, просто следовал ее примеру... и кто скажет, что этого мало?

Остро заточенный меч сына, носящего имя орудия – Болот, лежал дома в ножнах всегда готовым к бою. Малец окреп настолько, что, похоже, настала пора рассказать ему о муравье и начать настоящую воинскую учебу. Модун лелеяла мечту уговорить багалыка принять Болота в дружину раньше положенных весен.

Сын не подведет. Его сила, ловкость и владение разного рода оружием готовы к проверке. Посвящение даст сыну покровительство Илбиса и право на смерть врага. А если не повезет – то на свою.

...Подошла очередь стрелять.

– Наша Модун всех посрамит, – гордо сказал Кытанах, услышав ее имя. Так и вышло. Женщина натянула тетиву тяжелого лука и прицелилась. Яростный свист стрелы догнал летящий в страхе ветер, а саму стрелу, что неслась вразрез ветру, никто не увидел.

– В цель! – крикнул кто-то с восторгом.

Лошадиная бабка исчезла с самого дальнего пня.

* * *

Что могло случиться на стрельбище лучше, чем победа Модун? Разве что завтра глянуть на метание батасов и топоров. Поздравив воительницу, Кытанах кивнул Мохсоголу:

– Не на что тут больше смотреть, пошли.

На следующей поляне позади маленькой урасы слышался сдержанный гул. Зрелые мужи и молодые мужчины, эленцы и гости, жаждали испробовать себя в борьбе хапсагай. В толпе мелькали меченные молниями лица ботуров.

Хапсагай, кроме силы и ловкости, требует молниеносной скорости. Говорят, эта борьба родилась в старинных рукопашных боях. Ее изобрели потому, что древние кузнецы, еще не поднаторевшие в мастерстве, ковали слишком тяжелые латы и ломкие мечи. В жарких битвах ратники часто оставались безоружными. Что было толку расшибать кулаки о железный доспех? Придумали хапсагай, чьи приемы слыли не менее смертоносными, чем удары меча.

Со временем «бой без крови» перестали применять в сражениях, но он полюбился народу и правила его изменились. Мужчины выходили бороться аймак на аймак. Всласть намяв друг другу бока, садились за доброе угощение – кто проиграет, тот и потчует. Нынче же только мальчишки ходят «семь на семь».

Хозяйки Круга – оценщики и судьи – отбирали поборников в урасе. Обнаруживая тех, кто не воздерживался от обильной еды и питья или недавно баловался с женщинами, проникательные старухи сразу их удаляли. Сила таких воителей израсходовалась, движения утратили резвость. Отринутые, пунцовея лицами, спешили под прикрытие березовой рощи. Избранные раздевались до коротких исподних штанов и усердно натирали себя порошком из каленой древесной трухи, чтобы руки соперников не скользили по телу.

Намеченных ждал еще жребий. На голову угадавшего веточку в кулаке Третьей Хозяйки повяжут ременной обруч с белой гривкой, он будет представлять жеребца Новой весны. Тот же, кому выпадет пустая ладонь, станет Быком Мороза и получит обруч с кожаными рожками. «Быку» придется труднее. Понятно, чьей победы народ возжелает больше, ведь поединок извечных врагов – весны и зимы – предвестье того, как пройдет время-осухай грядущего года.

Поверх голов прошедших отбор уже взлетала и опадала белая грива. Мохсогол заторопился было, боясь пропустить бой, но замедлил шаги и сообщил:

– Вижу гривастую шапку Отосута. Скачет, бороться готовится.

– Где шныряют твои непутевые гляделки, старик? – фыркнул Кытанах. – Это другой длиннополый. Мне отсюда слышно дыхание Абыра.

В самом деле, нетерпеливо подпрыгивал в ожидании игрища костоправ Абыр, а травник Отосут столбом стоял рядом. Разные в нравах, не особо ладившие друг с другом, внешне

жрецы были будто братья. Оба в белом, с распущенными из-под островерхих шапок волосами, одинаково высокие. Не во всякую дверь войдут, не задев притолоки.

Стараясь не выбиваться за вычерченный на земле зрительский круг, люди пробирались к рядам. Устраивались поудобнее и высматривали знакомых. Кытанаха с Мохсоголом почти-точно пропустили в первый ряд. Сидящие здесь старики заулыбались, принимая в свою говорливую стайку бойких на язык друзей.

Взбудораженные мальчишки в предвкушении боя оседлали деревья окрест, вздорили и задирались. Даже сыновья старейшины, близнецы Чиргэл и Чэбдик, не уместившись на одной ветке, поцапались, чего еще не случалось. Дети саха любят хапсагай и готовы драться круглый год. Случается, во время свадеб не прочь побороться и женщины. Но это так, баловство. Из женщин только Хозяйки Круга знают хапсагай, причем лучше мужей – и мирный, бескровный бой, и древний военный, в который допущен дух смерти. Это знание входит в одно из секретных испытаний Посвящения в почтенные горшечницы.

Народ утих и зашептался: из урасы с накинутыми на головы ровдужными платками вышли первые бойцы. Старухи вывели их в середину состязательного круга и стянули покрывала. Зрители одобрительно загудели – хороши были молодцы!

– Хороши-то хороши, да что-то бока у них больно укатисты, – заметил привередливый Мохсогол.

– Нестрог ваш отбор, Хозяйки, те ли места вы щупали? – прозвучал голосок Кытанаха.

Гости с недоумением заглядывались на слепого тонкоголового старца. Кто-то осуждающе цыкнул. Однако остальные деды поддержали:

– Верно бают табунщики!

И правы оказались придиры. Чересчур расчетливые соперники долго примерялись друг к другу. Ерзали, а не боролись, уклоняясь от решительных действий. За излишнюю осторожность Хозяйки засчитали проигрыш обоим.

В выборе почтенных старух тоже имелись свои правила. Выставляли борцов, равных не только по весу и подвижности, но и по мастерству ведения боя. Сведущие в приемах хапсагая, как никто, старухи прекрасно знали, что гордо вздернутые подбородки и взгорья мышц еще не свидетельствуют об умении сделать сражение по-настоящему красивым. Лишь от поединка к поединку пары бойцов становились подвижнее и подбавляли веток азарта в разгорающийся костер борьбы.

Старики отпускали ехидные замечания, а народ шумно приветствовал победителей и утешал побежденных. Толпа зрителей гудела, как бурливые пороги горной речки Бегуны.

Хозяйки выдвинули Абыра и Отосута друг против друга. Длинные волосы жрецы скрутили в узлы, и стали видны их мускулистые плечи, близко знакомые с тяжелым трудом. Тугие икры говорили о каждодневной ходьбе отнюдь не по мягким лужкам. Удивительно было, что столь достойные похвал тела поддерживает молочная и растительная пища, – ведь мяса, что дарит мышцам особую упругую силу, озаренные, как известно, не потребляли.

Малопрстойные насмешки и хохот вызвали их исподники, пошитые из выбеленной ровдуги. Востроглазый Мохсогол приметил, что смущенные девушки, шепчась и хихикая в ладони, посматривают на жрецов куда с большим интересом, чем разглядывали остальных.

– Втуне пропадает ядреная мужская сила, – вздохнул с сожалением. – Хорошенькие глазки и щечки этим красавцам как собаке трава.

– Зато нет нужды вдыхать одуряющий запах кабарговой струи, – ухмыльнулся Кытанах.

Досадливо взмахнув рукой, будто отгоняя комара, Мохсогол сказал:

– Знать, Сандал ушел переживать из-за упавшего ковша, раз парни дерзнули выйти в круг состязания.

– Печалится главный, – закивал головою Кытанах. – Не зря пустая гроза недавно гремела. Быть, видно, засухе... А чего бы молодым-то не потешиться в честном бою? Все ж таки праздник!

Натруженные руки жрецов скрестились на спинах в захвате. Лоб костоправа под ремешком «жеребца» быстро взмок. Лицо травника покраснелось, но было, как всегда, непроницаемо.

– Кто кого одолевает? – нетерпеливо дергал Кытанах приятеля, прекратившего поток речи.

– Э-э, погоди, – очнулся тот. – Обнимаются пока. Абыр, будто парень девушку, Отосута облапил. Ребра мнет, слышишь хруст?

– Заливай больше – ребра! Видать, зубами скрежещет.

Абыр сделал неуловимый бросок. Зрители затаили дыхание – ноги замешкавшегося травника оторвались от земли... Вернулись обратно и твердо встали след в след!

Отосут удержал равновесие. Едва обретя опору, с удивительной для него прытью набросился на соперника. Схватка обернулась другой стороной: левая рука Отосута зажала шею костоправа, а правая обхватила его ногу выше колена. Абыр неловко запрыгал на одной ноге. Начал заваливаться, уже и ступня ушла вкривь...

Не так-то просто было его сломить! Сложенный вдвое, вдруг вывернулся, крутанулся на пятке вокруг собственной оси. Сейчас вывихнет себе ногу, а то и шею... Но умник, починающий людям кости второй десяток весен, рассчитал опасный спинной разворот. Мощная грудь напряглась и выгнулась колесом, отчего плечо Отосута приподнялось и рука ослабила хватку. Сообразить не успел, как нога пленника выдернулась из замка. Следом растрепанная голова вырвалась из-под мышки. Травник не успел еще сообразить, что костоправ вывернулся из его рук, а тот, не давая опомниться, ребром освобожденной стопы подбил Отосуту левую ногу!

С нескрываемым сочувствием ахнули зрители, и самым невольно открылось, кому из двух младших жрецов отдает предпочтение Элен.

Отосут, не ожидавший стремительной подсечки, косо скользнул вниз, почти упал. Нет, не упал – подхватился у самой земли... Выровнял стойку!

Забывшись в восторге, народ вместо игровых «кличек» начал выкрикивать имена озаренных. Отменная получилась сшибка!

– Ничья, – перевел дух Мохсогол.

Когда в малый круг вышли последние борцы и Хозяйки сняли с них платки с каким-то особым значением, люди настороженно замолчали.

На правой щеке первого, в ремешке с гривкой, белела затянутая незагорелой кожей молния. Значит, в ботуры был посвящен минувшей осенью. Размашистые плечи молодца взбухали буграми мышц величиною с его же чудовищный кулак, – такому нипочем удержать на себе бычью тушу. В торопкой готовности к бою еще до сигнала подогнул колени, выпятил назад седалище и раздвинул локти.

Народ громко вспомнил, что позапрошлой весной этот малый победил в состязаниях силачей – перетащил с места на место самый огромный валун.

Должно быть, не нашлось равного среди местных. Хозяйки выставили противником незнакомца чужих кровей. Позже выяснилось, что ни эленцы, ни гости его раньше не видели. Кожа неизвестного была цвета сосновой коры на рассвете, а золотистые глаза мерцали из-под обруча с рожками, как у сытого летнего волка.

По мнению большинства, он не подходил для этого противоборства. Рослый, но поджарый, сухощавые лодыжки в охвате с одно запястье воина. Может, сам по себе парень и выглядел бы неплохо, да не рядом с горою ходячих мускулов. А ни капли опасливости не выказывал. Стоял вольно, с безмятежно висящими вдоль тела руками, и разве что не зевал.

Зрителей задело столь наглое поведение. Осыпали иноплеменника обидными шуточками. Принялись хвалить молниеносного, аж тот смутился и покраснел.

Болтливые старики в этот раз хранили молчание.

Как на истинного врага бросился подначенный толпою воитель! Но напрасно напряжались узлы мышц на руках, пальцы впусте цапнули воздух. Соперник ни на шаг не отступил – гибкой лозой изогнулся на месте.

Пуча глаза и крупно подрагивая спиной, будто конь, одолеваемый оводами, ботур еле удержался на ногах. Вновь бросился вперед и... ах! Иноземец с ленцою качнулся в сторону и ногу задрал, как пес, собравшийся древо пометить. Горячий «жеребец» промчался под ногой, еле успев пригнуться. Застопорился у черты, качаясь на носках, руками замахал суматошливо...

Неверная в симпатиях толпа заорала и заулюлюкала.

Чужак и поворотом не удостоил мычащего от унижения воина. Переступил с ноги на ногу все так же неторопливо, усмехаясь углом рта. Спокойные руки по-прежнему болтались внизу, только дрема исчезла из сощуренных глаз.

– Разве это хапсагай? – возмутился кто-то. – Это же танцы медведя с рысью!

– Пусть танцуют, – возразили ему, – смотреть потешно!

– Приезжий не знает правил, – не унимался ревнитель борьбы.

– Да не мешай ты! – вскинулся пожилой воин и добавил тише: – Нашему дурню хороший урок будет, чтоб не думал о себе высоко.

Зрители препирались, а невезучий богатырь вряд ли что-нибудь слышал. Он уже, видно, и мало что понимал. Без толку носился туда-сюда с распростертыми лапищами. Незнакомец же продолжал гнуться то влево, то вправо. Прыгал, выкручивался, неуловимым вихрем выносился из-под растопыренных пальцев. Не предпринимал атак. Забавляясь тщетой силача, ограничивался обидно легким касанием его взмысленных плеч и боков. На смуглой коже вспыхивали солнечные блики, выплясывая там, где вздувались желваками бегучие мышцы. Тело словно не двигалось, а переливалось из одного выверта в другой. Даже сочувствующие земляку эленцы любовались веселой игрой гостя.

Ботур, полуослепший от залившего лицо пота, взрыкивал от непостижимости происходящего. Наступал и пятился, едва не падая от усталости. Так длилось столько раз, сколько подбрасывается Хозяйками твердый ком глины перед тем, как ему развалиться...

– Эй, скелет жертвенного быка, хватит вращать ребрами, – не выдержал прежний крикун. – Кончай жмурки!

Хладнокровный чужак оглянулся. Можно было поклясться, что он различил в толпе горлана, хотя тот успел скроить постную мину. И тут покровитель Илбис сжалился над воином, – все-таки тот за весны учебы и службы вылил в его честь не один бурдюк топленого масла. Боец, наудачу месящий зряшное ничего, достал отвлекшегося на миг противника. С безумством утопающего вцепился в него и привлек к себе. Затеялся-таки хапсагай!

Движения ботура, только что хаотичные, сделались бережливыми. Каждая ухватка подтверждала возвращение сноровки и знание приемов.

Сбить пришельца с ног было все еще сложно. Но он, как и зрители, понимал: остались считанные мгновения до броска через спину или бедро. А воин (вот что значит молниеносный!) отстранился, сделал два-три обманных рывка и с завидной скоростью поднырнул противнику под ноги.

Возликовал народ... И случилось невероятное! Взмыв кверху, чужестранец поджал колени и перекувыркнулся в воздухе! Не могло быть такого, а было – вновь крепко на ноги встал!

Коновязи загудели от сплошного рева. Люди вскочили с мест, вопящие мальчишки едва не сорвались с деревьев...

Хвала воину – рот не разинул, хотя хапсагай вылетел-таки у него из головы. Немедля скрутил прыгуна, повалил его на землю и налег могучим торсом.

– Жми!

– Давай-давай!

– На лопатки его!

– Бей, ломай, дави!!!

Толпа тоже напрочь забыла о правилах борьбы. А смуглая спина чужака под убийственным туловищем ботура выгнулась упругим мостом!

Как ни тужься в крике, не отдашь человеку часть своей силы. Заморенный верзила истратил в последнем усилии остатки мощи, ослабил хватку. Почти уже не шевелился, будто его самого поймали в железный захват. Ловкач еще был способен выскользнуть и, к скорби эленцев, – не слишком бы подивились! – очутиться сверху. И тут откуда-то с краю толпы донесся запоздалый девичий вскрик:

– Дави, жеребец!

Чужак дернулся, обернулся на голос, как уже оглядывался в прошлый раз. Желтые глаза нашли девушку. Всмотрелись внимательно, насколько можно быть внимательным в вывернутом дугой положении. Впрочем, отыскать дерзкую было нетрудно. Подпрыгивая, она махала рукой, словно всем и каждому сообщая: «Вот она – я!»

Она была красива. Очень! Светлоликая, с тонкими дугами бровей и ртом ярким и пухлым, как ягода осеннего шиповника.

Парень открыл в улыбке белоснежные зубы и неспешно выпрямил спину. Загорелые лопатки двойной печатью поместили чужую для него землю долины.

– Поддался!!! – яростно завопили зрители, потрясая кулаками. – Нарочно лег!

– Глупая девка ему помешала!

Вгорячах кто-то выдал имя девицы:

– Ох, Олджуна, такую игру испортила!

Только что толпа глотки готова была сорвать, подбадривая ботура. По правилам или нет, он бы наверняка победил. Но возмущенные «нечестным» окончанием борьбы, зрители забесновались, засvistели ожесточенно, будто гость совершил предательство.

Растерянный и удрученный, поднялся воин с колен, по-мальчишески шмыгая носом. Стало видно, как он еще юн. Подбородка его пока не тронула даже та необильная щетина, что выступает на лицах парней саха, перешедших за первую ступень взрослости. Люди, ненавидящие в этот миг проигравшего, не желали приветствовать и победителя. Толпа буйствовала и надрылась в гневе. Поймешь ли изменчивые настроения толпы?..

Соблюдая закон поединка, ботур угрюмо протянул поверженному руку. Тот весело хлопнул по ней, но помощи не принял. Оттолкнулся от земли и прыжком подбросил тело, точно с силой прижатый и отпущенный куст тальника. Сорвал с головы рогатый обруч, метким броском зашвырнул в пустое берестяное ведро из-под древесной трухи.

Некому было смотреть, как воин, тушуясь, принял из рук Второй Хозяйки кумысный кубок победы, как поднял его, опустив голову. Негодующие ряды расступались, пропуская чуженина к роще, где ждала привязанная лошадь. Откуда он только взялся, этот желтоглазый?

Звонко окликнула его светлоликая девушка:

– Эй, эгей! Из каких мест ты родом?

Пришлец повернулся и ничего не ответил. Лишь снова оскалил в улыбке зубы, белые, как кипень. Похоже, он не знал языка людей саха.

– Боишься назвать свое имя? – поддразнила девушка.

Гость что-то понял. Остановился, ткнул себя пальцем в грудь и засмеялся всем лицом. Смеялись взлетевшие брови, золотистые волчьи глаза, зубастый рот и твердый подбородок с ямочкой посередине.

– Бэрро! – крикнул парень гортанно. Перепрыгнул через ручеек, протекающий перед рощей, и слился с тенью деревьев.

– Давненько не было такой славной схватки, – с убаженным видом сказал Кытанах.

– Не славной, а странной, – осторожно поправил Мохсогол.

– Э-э, да что ты понимаешь в настоящей борьбе? – пренебрежительно махнул рукой старец. – Мои глаза утратили солнце, но уж слух мой получше слуха некоторых глухих тетерь.

Напарник не остался в долгу:

– Кажись, понапрасну глухие тетери заменяют некоторым неблагодарным слепцам их зрение, добрым словом питая бесполезную голову.

– Спасибо и на добром слове, – проворчал Кытанах и остановил приятеля – тот направился было к соседней поляне. Прыгуны раскладывали на ней куски бересты для замера длины прыжков.

После приятных впечатлений старцу не хотелось расстраиваться. Больше четырех двадцаток весен прошло с тех пор, как он считался лучшим прыгуном в Элен. Никто не мог превзойти в кылы, ыстанга и куббах⁶ малорослого и щуплого, как подросток, Кытанаха. Что в «заячем» со сдвинутыми ногами, что в «оленьем» с прыжками нога на ногу, да и на одной ноге.

– Тяжко мне глядеть на нынешних неумех, – жаловался он, по привычке не меняя слово «глядеть» на «слышать». – Ведь в былое время мои прыжки были длиннее моего же роста в несколько раз!

– Сложно припомнить, – пробормотал Мохсогол.

– Не веришь? – рассердился Кытанах и закричал, потрясая посохом: – Не веришь или от зависти притворяешься?!

– Я ж тогда мало знал весен, – вывернулся смущенный напарник.

– Воистину, откуда такому молокососу знать, каким я был! Когда ты еще валялся кверху стручком в чаше-люльке небесного озера, женщины, завидев издали мои ноги, сходили с ума! О-о, они со слезами счастья бежали ко мне навстречу!

– Что такого интересного находили эти дуры в твоих ногах? – полюбопытствовал Мохсогол.

– Мои ноги были стройными! – пронзительно проверещал старец и без сил повис на посохе.

Мохсогол обеспокоенно потряс друга за плечо:

– Что с тобой?

– Не видишь – отдыхаю, – пискнул Кытанах, дыша, как загнанный заяц. Передохнув, продолжил: – Без вранья скажу. У других табунщиков, да хоть на себя посмотри, ноги всегда лучком. А я, как ты знаешь, всю жизнь обнимал ногами крутые бока лошадей, но бедра и ноги мои оставались стройными. Они и сейчас такие. Хочешь, штаны спущу и ты сам убедишься? Гляди! – и старец принялся развязывать ремешок штанов.

– Что ты, что ты, людей испугаешь! – в ужасе попятился Мохсогол.

– Ну, то-то, – удовлетворенно хмыкнул Кытанах, оставив штаны в покое.

– Чуть не обделался я со страху, что женщины, увидев твои стройные ноги, набегут толпой и начнут с ума сходить у меня на глазах от счастья, – пробурчал Мохсогол.

Так, привычно переругиваясь и с нежной заботой поддерживая друг друга, старики обогнули поляну прыгунов. Потянулись обратно по священному кольцу аласа туда, где на незагорающих кострах кипели котлы радушного Асчита и тек из бездонных симиров целебный кумыс – напиток богов.

---

⁶ Кылы, ыстанга, куббах – троеборье, состязания по прыжкам в длину.

Домм четвертого вечера. Не сравни себя с божеством

К вечеру у дымокура возле трех коновязей собрались знатоки древних былей и преданий, постигшие сладость слова. Старейшему сказочнику дали молвить почин – легенду по заказу, временем небольшую, чтобы и другие успели свою рассказать. Обведя округ головы чорон, почтенный сотворил заклинание, плеснул кумыса в костер и спросил:

– О чем бы вы хотели послушать?

Никто и рта раскрыть не успел, как Дьоллох, сидящий близко, выпалил:

– О мастере Куде!

Люди не стали возражать. Игрой на хомусе паренек успел снискать любовь эленцев. Почему бы и не о Куде? Всем любопытно больше узнать о трехликом дарителе джогулов.

– Думы о боже-кузнеце когда-то волновали мою душу, как и твою, внук незабвенного Торуласа, – начал старик, узнав юного хомусчича. – Волновали, пока не посетило печальное открытие: нет у меня дара, способного возвыситься над джогурами истинных мастеров. Посокрушавшись, я уразумел, что и обычный труд вознаграждает упорство, и посильное ремесло льнет к простому, не дареному умению. А после, услышав олонхо знаменитого Ыллыра, даже порадовался отсутствию дара в себе. Не столь неколебим мой нрав, чтобы противостоять искусам Куде... Если старая память не станет играть со мною в прятки, может, вспомню начало сказания прославленного олонхосута.

Есть во времени бессрочном
между днем и ночью место,
где раскормленные тучи
превращаются в вершины
несгибаемых утесов,
а неколебимый камень –
в облаков пушистый иней.
Там понять бывает трудно,
то ли небо землю точит,
то ль земля снедает небо...
Там над мертвыми волнами,
что текут туда-обратно,
радугую мост восходит,
пестрый, как перо сапсана,
созданный из слез и смеха
мастеров земли Срединной.
Там повсюду звон и скрежет,
вся земля в железной гари,
в сером беспросветном дыме
не видать луны и солнца.
Там вздымается в тумане
высоченный холм железный,
трижды опоясан медью
трех пределов пограничных.
Снизу он, как огонь, палящий,
сверху он, как лед, морозный,
до него – пять кёсов конных,
два ночлега пешим ходом,

а потом – ползком семь взмахов.
В том холме сокрыта кузня.
В ней, объятой едким паром,
трудится Кудай трехликий,
безобразный и красивый!
Правый лик Кудая светел
и божественно сияет,
левый – гнусен, словно беса
отвратительная рожа,
ну а тот, что посередке, –
лик обычный, человеческий...
На плечах Кудая копоть
в треть ладони толщиной,
грудь широкая покрыта
ржавчиной на девять пальцев,
торс в окалине и саже.
С конского хребта Кудая
сыплются зола и пепел,
круп усеян серым шлаком,
хвост в пылище, а копыта
утопают в грудах угля.
Бесконечно прекословят
лики пыльные друг другу,
и тому велению служат
руки мастера Кудая,
чьей личины верх сегодня.
Он – единственный кователь
удивительных джогуров,
малых, средних и великих.
Облечен высоким правом
наделять детей во чревах,
в круглых чашах материнских,
искрой Бога или беса –
ведать, чувствовать и делать
то, что прочим недоступно...
Ох и трудно трем личинам,
меж собою несогласным,
к одному прийти решенью!
Потому-то, верно, людям,
обладающим джогуром,
ни покоя нет, ни лада,
в их сердцах то жар, то стужа –
скоротечный праздник славы
и сомнений долгих мука,
счастья высшего блаженство
и отчаянье глухое!..

Пропев отрывок, сказочник прикрыл глаза и словно уснул.
– Ты говорил об искусствах, – коснулся руки старика Дьоллох.

– Да, об искусствах, – восторженно воскликнул почтенный. – Вы, наверное, поняли, о чем олонхо предупреждает. Соблазны Кудая губительны, но столь неистово желанны, что порою не вынести их человеку. Проще руки лишиться, чем продолжать жить, как все. Раньше сверх меры одаренные кузнецы так и поступали: отрубали себе левую руку, избывая искуса.

– Почему?!

– Страшное случается с ковалем, который достигает высшего, девятого уровня мастерства и заглядывает за эту грань. Всему на земле есть предел. Кудай не прощает дерзновенного. Поворачивается к нему левым демоническим лицом, стуча от злости железным копытом. И тогда джогур рвет человеческую душу на части: то вознесет ее высоко, до звездного ветра в ушах, то со всей силы жестоко грянет о землю! Подлинный дар не бывает безмятежным. Полный неведомых страстей, он может помешать избранному жить по-людски, может сделать изгоем и посмешищем в глазах остальных. В мгновения, когда мастер всей душой, всей плотью и кровью сливается с возлюбленным делом, ему кажется, что он подобен Творцу... и он создает божественную красоту! Это беспредельное счастье, доступное единицам. Но это есть и лукавый искуса. Редко для кого проходит бесследно сравнение себя с божеством. Не счесть великих мастеров в холме о трех поясах. Там в кузне трехликого выращиваются цветы мастерства. Из нежных на вид, а на ощупь твердых, как железо, лепестков Кудай кует джогуры для все новых и новых умельцев. Смешанным огнем небесных высот и подземных глубин полыхает его громовое горнило! Полуптицы-полулюди с железными клювами присматривают за кузнецами, чтобы не смели выбраться из горы окаины. Несчастные вбиты в нее по пояс за то, что дерзнули сунуть нос в знания, недоступные людям. Кузнецы помогают трехликому наливать звезды джогуров небесным огнем. После этого кому-то на Орто достаются огненные дары. Одному – чародейский с отворенной миру душой, другому – дар чувствовать открытою плотью духов земли и вод, третьему – предвиденье грядущего... Говорят, прежде воины девятого уровня, ослабнув, ложились в горн Кудая, чтобы закалиться и окрепнуть для великих побед.

– Знал ли ты сам певца, искушаемого трехликим? – спросил Дьоллох, в странном напряжении глядя в костер.

– Знал, – кивнул старик. – Мальчонкой повезло мне слышать несколько полных сказаний Ыллыра, олонхо которого я помянул. Певцу было даровано несказанное счастье, но пришлось заплатить за него прекращением мужских родовых колен. Единственная дочь, рожденная от седьмой баджи, вышла замуж за парня, живущего далеко на севере, и тоже родила дочь. Замкнулся отцовский род.

– Чем же Ыллыр отличался от других?

– Уменьем добывать красоту из звуков горного ветра, а красоту слов из журчания рек. Устами певца вещали духи предков, помнящие бесчисленные олонхо, полузабытые и вовсе неизвестные. Непросто поверить, однако было воистину так: он пел, а голос его потрескивал в балках потолка, жгучим пламенем трепетал в очаге, гулкими шагами отдавался на крыше юрты... Случилось однажды, что в тело жены старейшины тонготов, страдавшей душевным недугом, забрался бес. Стал буяннить, выворачивать изнутри больную. Кости ходуном ходили, горло само собой кричало непотребное человеческому слуху. Шаману кочевых людей никак не удавалось обнаружить беса. Вертким оказался окаянный. Щуренком ускользал от пронизывающего взгляда, ужом увиливал от выманивающего слова. Отчаявшись, старейшина позвал Ыллыра и попросил его спеть ту часть олонхо, где земной ботур побеждает воина демонов. Внимая голосу певца, бес прекратил буйство и притих. Так увлекся, что выскочил из женщины – песенному собрату помочь! Тут уж тонготский шаман живо схватил пронзительного злыдня, свернул узлом и затолкал в турсучок туктуйе... Кочевники сами о том рассказывали моему отцу, а я, спрятавшись неподалеку, собственными ушами слышал.

В подтверждение сказанного почтенный весело подергал себя за мочки ушей.

– Многие хотели знать на память олонхо Ыллыра. Он соглашался учить. За то, чтобы вызубрить одно из них, ученики платили коровой. Потом из аймака в аймак, от праздника к празднику олонхосуты повторяли сказания. Были отчаянные головы, желающие большего – певческого мастерства. Предлагали за обучение все свое имущество. Ыллыр и тут не отказывался. Но через день-два, не найдя в голосах певцов чего-то ему лишь ведомого, отступался, и никакое богатство его не прельщало.

– Где Ыллыр теперь? – поинтересовался черноглазый мальчуган. Приткнувшись к плечу матери, он сидел с открытым от волнения ртом.

– Тому две двадцатки весен, малыш, как никто не видел великого олонхосута на Орто, – улыбнулся старик. – Ушел однажды в тайгу и не вернулся. Соблазнил его трехликий Кудай, забрал в свои сопредельные земли. Так и не узнал Ыллыр о рождении внучки своей Долгунчи, что стала знаменитой певицей.

Дьоллох закашлялся, будто подавился чем-то, и с натугой переспросил:

– Долгунчи?..

– Да, – кивнул старейший. – Долгунча соблаговолила приехать к нам на праздник. Ты, наверное, завтра будешь с ней состязаться. Она тоже играет на хомусе.

Помедлив, продолжил:

– Певцы девятого уровня часто сходят с ума, погибают или добровольно соглашаются уйти к Кудая, перед величием которого отступает время. Должно быть, Ыллыр поет нынче в бессмертном хоре великих певцов. Чудесные голоса баламутят глубины в морях и нагоняют ураганы со смерчами... Эти люди стали духами. Их сказания хранят вершины древних утесов. Их песни крадет очарованное эхо и носится с ними в ущельях. Опасные песни – они навевают тоску по красоте неземных звуков и могут насмерть заморозить человека.

– Ох, зачем же нужны такие песни людям? – поежилась мать черноглазого мальчика.

– Нет, не говори так! – воскликнул сказочник. – Без них – беда! Если замолкнут певцы, умрет эхо, и люди забудут прошлое. Всё некогда звучащее на Срединной земле, от мышинного писка до грома, канет в вечность и затеряется в ней. Мертвая тишина – тишина без прошлого – накроет миры. Как тогда будущему родиться? Ведь грядущее появляется из эха памяти о вчерашнем...

– Кто-нибудь помнит олонхо Ыллыра?

– Его певучие олонхо разлетелись во все концы Орто, разделились на множество крылатых преданий. Люди поют их на разных языках. Каждый народ думает, что вот эта история произошла с их предками, слова вот этой складно сложенной былины придуманы их певцом. Живет, говорят, где-то в Великом лесу олонхосут, помнящий несколько трехдневных сказаний Ыллыра. Этот знаток берет за учебу не одну корову, а объезженного вола и корову с приплодом. Однако самые длинные сказания величайшего из певцов, что продолжались от новорожденной луны до ее истощения, не помнит ни один человек. И так дивно, как пел Ыллыр, – заставляя забыть обо всем на свете, вынимая голосом сердце и печень, – никто пока не умеет.

– Есть и нынче много хороших певцов, – едва слышно возразил Дьоллох, опустив глаза.

– Много, – усмехнулся старик. – В народе саха всегда хватало людей с красивыми головами. Недаром говорят, что наши детишки начинают петь прежде, чем говорить. Но вот досада: никому из тех, кого я слышал, таинство слова не подвластно в той же мощи, какую был наделен Ыллыр. А он обладал красотой слова и слога. К тому же владел не просто голосом, но и складом мелодий, выносливостью дыхания, быстротой перевоплощений и способностью все это слить воедино. Иные безумцы и сейчас готовы променять всю свою живность на знание хотя бы одного олонхо Ыллыра. Подражают ему, как могут, желая заполучить крупицу великого джогура... Надобно сказать, в чем еще заключается коварный замысел Кудая. Трехликий волен ранить человека с незначительным джогуром излишне высоким мнением о доставшемся подарке. Такой бедняга смертельно обижен на людей, не желающих признать его уменье вели-

ким... Есть ли грех тяжелее, чем тайное желание сравняться с Творцом в мастерстве? Однако у некоторых эта мечта огромнее жажды богатства, сильнее плача голодных детей и даже смерти Ёлю!

Рассказчик помолчал и с непонятным сочувствием глянул на Дьоллоха.

– Запомни, внук Торуласа, то, что я пропою, прежде чем завершить почин. Запомни и подумай, ибо тебе придется размышлять об этом, может быть, всю свою жизнь.

Дар трехликого Кудая,
дар бесценный и счастливый!
Дар, как божество крылатый,
открывает человеку
тайны мастерства и смысла
созидать, Творцу подобно!
Но беги, блаженный мастер,
человеческих ошибок,
ведь у дара есть коварный
враг – твой нрав несовершенный,
поддающийся искусам!
Ты, джогуром наделенный,
можешь вызвать в людях зависть
или сам попасть в тенета,
позавидовав другому.
Не преодолевши спеси,
можешь дар убить гордыней
или, меры в нем не зная,
от натуги занедужить.
Можешь в похвальбе погрязнуть
и растратиться на мелочь
либо, в поисках уменья
большего, чем дал трехликий,
известись и обезуметь.
Можешь навсегда остаться
среди толпы, в семье любимой
беспредельно одиноким
или, вовсе оторвавшись
от земли своей Срединной,
навсегда уйти к Кудая...
Счастье ль это – быть с джогуром?

Почтенный поклонился и передал слово следующему.

Домм пятого вечера. Осухай с Луной

Новые серебряные кольца вдела в уши Лахса. Подчернила углем реденькие бровки, вплела в негустую косу пучок конской гривы, чтобы казалась толще. На пышную грудь легло родовое украшение – наследство матери мужа – солнце-гривна с льющимися ниже пояса чеканными звеньями.

Манихай выпятил тощий живот, селезнем прошелся вокруг жены. Тоже принарядился – накинул на плечи кафтан с дымчато-серой опушкой. Прост был беличий мех и подол коротковат, зато не обноски чьи-нибудь, обновка с иголочки. Лахса залатала рубаху Дьоллоха, проверила, все ли в порядке с одеждой младших.

Ну вот, все подготовлены ко второму праздничному дню. Не стыдно будет гордиться успехом сына и брата в хомусном состязании. В том, что Дьоллох не ударит в грязь лицом, никто не сомневался. Даже он сам. Может, и не получит награду, главное же не это... Он знал, что его хомус окажется лучше многих.

Дьоллох мог бы посоревноваться с певцами, – отлинявший голос его реял легко, – но решил не тратить попусту силы. Зачем ему кус жирной вареной конины на мозговой кости, вручаемый за веселые припевки? К чему узорная власяная циновка за исполнение высокой песни тойука?⁷ Славно со стороны послушать состязанье певцов, когда ты уверен в своем пении-игре на хомусе, сулящем, пожалуй, двухвёсного стригуна⁸. Или кобылу.

Парень досадливо поежился: прочь, прочь, хвастливые думы! Отругал себя: помни слова сказания славного олонхосута Ыллыра. Вчера от них было так страшно, что почти весь вечер хотелось родиться заново простым, не отмеченным Кудаем человеком. В мудром олонхо истина всегда сверху, как масло в воде...

На завтрак Дьоллох выпил чашку кумыса, а от еды отвернулся. Сегодня нутро должно наполниться свободным дыханием и стать послушным для отраженья волшебных звуков. Сидя у окна с хомусом в руках, без конца проверял на свету, ярко ли блестят отполированные щечки снасти, по-прежнему ли упруга и податлива дразняще высунутая хомусная «птичка» – кончик закругленного язычка.

Мысли крутились у трех праздничных коновязей. Прикидывал, как стать выгоднее, чтобы и видели его все, и не так сильно бросался в глаза стыдный загорбок... Но предложи сейчас боги поменять джогур на красивую внешность, Дьоллох бы не раздумывая отказался. Наружную красоту губят долгие весны, а чудесный дар останется с ним до встречи с Ёлю, а может, и дольше. Примерно так вчера говорил почтенный.

Местным нравится, как поет-разговаривает хомус Дьоллоха, вторящий звукам небес и земли. Пусть теперь послушают и удивятся гости, прибывшие с далекого севера. Особенно эта загадочная Долгунча, внучка знаменитого Ыллыра.

Атын зачем-то окликнул брата, но тот и не пошевелился. Манихай поднес палец к губам: не беспокой певца, перед испытанием уши его слушают тишину...

В полдень, когда тень солнца укоротилась, у трех коновязей послышались переливы запевок, что настраивают голоса на песенный звук:

– Джэ-буо! Джэ-буо-о-о!

Со всех концов Тусулгэ народ повалил к главной поляне, где уже установили семь барабанов на подставках-копытцах, Бешеную Погремушку⁹ и ряды скамей вокруг.

---

⁷ Тойук – песня-импровизация со славословием.

⁸ Стригун – жеребец по третьему, реже – по второму году.

⁹ Бешеная Погремушка – музыкальный инструмент: полое бревно с колотящими подвесками снаружи и сыпучей мелочью внутри.

Стараясь казаться выше, Дьоллох вытянул шею и приблизился к месту состязания степенно, как подобает уважающему себя взрослому человеку. Присел с краю, подальше от своих. Певцу необходимо одиночество.

После тойуков трех запевал начались лукавые песенки. Парень из соседнего аймака, скроив тоскующую мину, протянул руки к здешней певунье и запел.

Эгей!
На вороном жеребце
нежная дева Луна
в звездном высоком венце –
как мне желанна она!
Движенья ее легки,
окутан туманом стан,
очи ее глубоки,
благоуханны уста!
Покину старуху мать
вместе с постылой женой,
готов все, что есть, отдать
за осуохай с Луной!..
Паду перед нею ниц
в немом восхищенье я:
– О, не опускай ресниц,
о, не прогоняй меня!

– Эгей! – откликнулась раскрасневшаяся певунья, бросая на парня страстные взоры.

На золотистом коне
некто, высок и могуч,
причудился нынче мне,
как солнца слепящий луч!
Крепость мою побороть
вздумал, коварный, и вмиг
в печени нежную плоть
мукою сладкой проник!..
Стану когда-нибудь я
костью и телом стара,
будет гнездо бытия
ломким, как в стужу кора,
но не скажу и тогда,
гаснущим тлея углем,
что не была никогда
счастлива в сердце своем!

«Слушать забавно», – подумал Дьоллох и тотчас же отвлекся. Приметил невдалеке молодую, очень высокую женщину в белом платье... Нет, не женщину – девушку. Богатый серебряный венец и отсутствие на груди гривны говорили об ее затянувшемся девичестве. Дьоллох, даже если б приподнялся на цыпочки, вряд ли достал бы макушкой девушке до подбородка. Она о чем-то говорила со стоящим позади багалыком Хорсуном. Оборачивалась к нему всем телом легко и мягко, будто не на земле стояла, а кружилась в волнах реки.

Дьоллох исподтишка разглядывал рослую незнакомку. Глянцевитую кожу ее покрывал ровный загар, нос был чуть великоват и глаза под черными стрелами бровей столь же избыточны, цвета неба в зимнюю ночь. А губы пухлы и ярко-розовы, словно сбрызнуты брусничным соком. Крупные, под стать сложению, браслеты с вырезными узорами охватывали исполненные спокойной силы большие руки. Все это, собранное вместе, неожиданно являло собой красоту броскую и необычную. Казалось, вначале боги хотели поместить душу красавицы в мужчину, но в последний миг раздумали. Расщедрились и дали крепко скроенному телу больше влекущей женственности, чем нужно одной.

Багалык, по-видимому, собрался отойти. Она снова поворотилась, на этот раз резко. По гибкой спине тугой плетью стегнула взметнувшаяся коса. Хорсун помешкал и остался, хотя девушка ни слова не сказала.

«Долгунча, – мысленно произнес Дьоллох ее имя. – Долгунча – Волнующая. Внучка великого Ыллыра», – и облеклось имя смыслом, большим и красивым, как она сама.

Старейшина Силис упоминал о семи спутниках Долгунчи. Обежав взглядом ряды, Дьоллох высмотрел молодых мужчин в светлых кафтанах, ростом как на подбор. Правда, не выше своей предводительницы. Выше был только багалык.

Девушка громко рассмеялась и что-то сказала Хорсуну. Дьоллох не расслышал, пораженный ее дерзостью и грудным, необычайно глубоким голосом, от которого по его забывчиво согнувшемуся горбу просквозил холодок.

Песни еще хотели звучать и веселить души, еще доставало в них словесных украшений, и горное эхо не устало отзываться в ущельях. Но уже забили, затренькали в умелых руках создающие мелодию инструменты. С протяжными дребезжащими всхлипами заныла трехструнная кырымпа¹⁰, похожая на срезанный повдоль чорон, чьи полированные бока спаяны клеем из осетровой вязиги. Переливчатые коленца Люльки Ветра истаивали в воздухе кудрявой трелью. Подобно раскатистому бряканью и шороху камней под ногами бегущего с горы человека погрохатывала на вертком стержне Бешеная Погремушка. По мере верчения, выпадая из пазов, сверху по ней колотили деревянные подвески, а в полости гулко крутились сушеные налимьи пузыри. С ураганной скоростью шуршала-ссыпалась в них скорлупа кедровых орехов.

Кто-то дернул Дьоллоха за руку. Он оглянулся на серьезные лица соседей – нет никого, кто бы мог подшутить. А ниже не поглядел. Маленькая смуглянка Айана, дочка старейшины Силиса, вывернулась из-под локтя и заявила:

– В награду за лучшую игру на хомусе дадут черную махалку с серебряной ручкой. Этот дэйбир сделал мой отец, а серебро приладил дядька Тимир. А я принесла свою махалку. Хочешь, стану отгонять от тебя комаров, когда ты будешь играть? Потом ты, как лучший из хомусчиков, черную получишь!

Девочка еще о чем-то болтала. Дьоллох подавил досадно кольнувшую мысль: зачем ему какая-то махалка?

По туго натянутой коже барабанов замолотили длинные и короткие колотушки. Каждый барабан звучал особо. Большой, обитый бычьей кожей, рокотал нарастающим громом. Средние, из кобылей кожи, изумляясь чему-то, густо ахали. Верхние помельче, с кожей жеребенка, призывали эхо, разбрасывая навстречу ему радостную дробь.

Но вот наконец замолчали и барабаны, предварявшие хомусную часть праздника. Приспело желанное время – один за другим всколыхнулись, заполоскали бойкими язычками деревянные и железные хомусы. Надо признать, здесь все же были славные умельцы. Словно из воздуха извлекали они звон весенней капли, утреннее пенье жаворонка, трескотню дятла и торжественное гудение табыков.

¹⁰ Кырымпа – музыкальный инструмент, напоминающий домбру.

Дьоллох усмехнулся: все это превосходно, не придерешься. Игра чиста, как роса на цветке... Но без искры. Без огневого трепета, властно берущего в плен огромное ухо толпы, когда никто не способен уйти от волшебных звуков. Разве что залить уши смолой!

Глянул на своих. Они сидели поодаль в немом ожидании. Отец помахал рукой... А где Долгунча? Отступила к трем коновязям, встала, как четвертый, живой и подвижный столб. И Хорсун рядом с ней. Красивый, высокий человек. Воин. Мало того багалык.

Вздыхнув, Дьоллох отвел глаза. Что ж, пора выходить, показать свое умение. Сейчас он докажет Долгунче, что мастер Кудай благосклонен не только к ней. Пусть она поймет, эта девушка, которая не стесняется громко смеяться в толпе и таскает с собой кучу мужчин, что он, Дьоллох, не нуждается в ее хваленом уроке. Тогда она, может, взглянет на него с должным вниманием, а не будет скользить равнодушным взглядом, как по пустому месту.

– Мне отгонять комаров?

Глазенки Айаны сияли. Дьоллох растерянно пожал плечами. Вот уж некстати привязалась малявка... Обернулся стыдливо: не заметил ли кто? Поймал смешливый взгляд старейшины Силиса, страдальческий – Эдэринки.

– Потом, – торопливо шепнул прилипчивой девчонке. – Потом отгонишь, ладно? А пока не мешай.

Вышел с достоинством, вперился взглядом в никуда и мягко сжал губами лучший на свете хомус. Прилежная гортань напряглась, приготовилась помогать. Легкие превратились в мехи, а изогнутая полость носа – в чуткие гудящие трубы. Правая ладонь легонько ударила краем по железному язычку, добывая пробные звуки.

Птичка проснулась, дрогнула радостно и тревожно: «Ты?! Я ждала! Я придумала новую песнь. Она тебе понравится!»

Дьоллох качнул воздух, удлинняя звук, приоткрыл и вновь твердо и нежно сомкнул губы на вдохе. Кисти рук затанцевали, проворно перебирая пальцами хомусную струну. Корень языка привычно задвигался, воздух прохладной струей в круговую побежал внутри.

Из рощи отозвалась кукушка. Видно, решила посоревноваться и устроила нешуточный перепев. Хомус не выдержал, хохотнул. Вместе с ним весь алас забурлил было смехом, но вдруг над коновязями пролетели невидимые лебеди, шумя крыльями и трубя! Вслед за тем ликуяще курлыкнул стерх. Послышался клекот гуся и резко вскричала чайка, будто на зов волшебной птички откликнулись из ближних мест все имеющие крылья, что вернулись с Кытата... И зазвенел, зажужжал, заливисто подхватился песенный хоровод!

Плясали веселые пальцы. Язык бился о небо, как колотушка в бубен, гудели трубы носа, прокатывало переливы горло. Посвистывала и похрипывала грудь. В искореженной спине хрустели-выпевали болезненные позвонки. Каждый отголосок тела, пропущенный сквозь чуткий хомус, соединялся в рой удивительных звуков, творящих новую песнь. Мозг до костей пронизали острые, шипуче-кумысные уколы восторга. Свежий ветер дыхания прокачивался через живот все быстрее и быстрее. Трепещущий язычок-птичка почти исчез, застриг воздух, обернувшись в невесомое стрекозиное крылышко. Радужный алас, светлые пятна лиц... жертвенные веревки с желтыми игрушечными туесками... взмывающие к небу коновязи, большая девушка в белом... Все кружилось, пело, играло яркими звуками-красками. Песнь собирала обрывки радуг, перемешивала их, меняла местами. Слышались зеленый шелест, желтый звон, синий плеск, голубое журчанье... Весенний хоровод сливался в сплошное пестрое колесо, бегущее в облака. Дьоллох вновь выкликал небесные создания, что норовили унести на крылах в вышину самые красивые рулады.

Треть времени варки мяса продолжалась чудесная песнь. Затем бурный ритм удлинился, звуки поблекли. Когда на конце хомусного стерженька показалась содрогаящаяся в последней трели птичка, на Тусулгэ наступило почтительное затишье.

– Уруй! – завопил, нарушив молчание, Манихай.

– Уруй! Слава! Слава! – закричали все, бросая вверх вязанные власяные шапки. Сегодня еще никого так не чествовали. Дьоллох превзошел самого себя.

Он улыбался восторженным лицам и не видел их. Алея щеками, сложил поющий-говорящий хомус в каповую укладку. Бросил горделивый взгляд на девушку у коновязи. Она тоже посмотрела на него. Вскользь, но с интересом... или померещилось?

– Ах, как хорошо ты играл! – воскликнула Айана и прижала руки к груди. Ей не хватало слов.

К Дьоллоху спешили брат и сестренка. Илинэ потянулась понюхать щеку. Дьоллох смущенно отодвинулся – совсем стыд потеряла, люди смотрят! Но людям было не до происходящих вокруг него телячьих нежностей. Общим вниманием завладела Долгунча с семьей спутниками. Их игра завершала нынешнее состязание.

Мужчины полумесяцем выстроились за спиной девушки. Ее белое платье мягко сияло на фоне их светлых кафтанов. Все враз тряхнули длинными волосами и одинаковым жестом поднесли к губам хомусы, словно чороны, из которых собрались отпить.

Зрители выжидающе замерли. Миг тишины – и Тусулгэ со всех сторон вкрадчиво обступили восемь вздыхающих ветров. Ломкий, тревожный звук, призывая кого-то, поплыл в воздухе, то усиливаясь, то отдалаясь.

Дьоллох подметил, что на хомусе девушки порхают две «птички», а под язычками хомусов ее помощников висят капли голубого железа разной величины. Из-за этого звуки неслись от низко гудящих к щекотно-высоким, словно бегали вверх и вниз по незримым певучим ступеням. Семью звуками управляла Долгунча, семью парами внимательных глаз, ласковых рук. «Что эти северяне делают в свободное время?» – с незнакомым чувством подумал Дьоллох.

– Гэй, гэй, хоть-хоть, бар, ну-у-у! – зазвенели хомусы со средним и высоким звучаньем. Подгоняемая лихими ветрами, песнь помчалась, как ныряющая в сугробах оленья упряжка по бескрайней тундре. Снег посвистывал под торопливыми полозьями нарт. Кто-то куда-то запаздывал и торопился, но олени не успели – волосы-струны ветров запутала налетевшая выюга. С неистовым хохотом и гиканьем прокатилась она над скрипучими сугробами. В подоле ее потерялся новорожденный месяц. А лишь только выюга исчезла, небо с шорохом выкинуло бахромчатые ленты северного сияния.

Это было почти то же радужное многозвучье, что и у Дьоллоха. Однако у приезжих хомусчитов оно оказалось богаче, ярче и без лишних звуков. Чужаки не старались представить все свои приемы. Их, очевидно, имелось в избытке.

...Радостно захлопали двери. Полозья нарт пронзительно взвизгнули и остановились. Хомусы-спутники взорвались праздничным ликованием, с наслаждением втянули дымный воздух. Запели-заговорили, в нетерпении перебивая друг друга:

– Есть новости?

– Есть!

А пока позади прокатывалась кипучая молвь, стихая за притворенными дверями, снег слабо скрипнул под ногами двоих.

Задумчиво поклевали-потрясли двуязычковый хомус гибкие длинные пальцы. Долгунча закрыла глаза и медленно закачалась. Солнце вспыхнуло на серебряных пластинках ее девичьего венца. Послышались широкие увесистые шаги по снегу. Донеслись и другие, легче и мельче. Тихо запели два смущенных голоса. Чья-то бесхитростная душа доверчиво раскрывалась перед множеством глаз и ушей, выплескивая невинную тайну.

Неожиданно Долгунча вскинула голову. Задышала часто, хрипуче, перемежая оленьим хорканьем выдохи-вдохи. Из губ ее или, может, из клювика птички выдулось густо мельтешащее облачко – сгусток горячего Сюра. Пылкое облачко поплыло, колыхаясь в воздухе, и растворилось в нем.

Шаги сменились сердечным перестуком. Два взволнованных дыхания устремились друг к другу и слились в одно. И случилось чудо – из приглушенного мужского рокота и застенчивого женского лепетанья, робко звеня, сплелась песнь-таинство. Сколько же было в ней серебристых оттенков и подголосков! Дьоллох не заметил, как искусные пальцы, проскользнув сквозь воздушные струи, кожу и ребра, больно и сладко сжали в комок его взрыдавшее сердце.

В песне говорилось о нем, Дьоллохе. Это его душа кого-то звала, моля и тоскуя. Это он плакал о несбывшемся и влекся по ветру. В пророческих звуках буйно прорастали побеги его будущих весен и победных сражений. Хрупкими шарами перекаати-поля бежали вдаль по сугробам его грядущие зимы...

О, Долгунча-Волнующая! Такой женщине хотелось подчиниться беспрекословно и сделать все, что она велит. Стать хомусом в ее руках, жить ради нее или умереть!

Рядом брат и сестренка переживали свое. Хомус пел для всех и для каждого в отдельности. Люди бесшумно поднимались со скамей. На их потрясенных лицах отражалась чарующая музыка песни. Мягкая, она в то же время знала твердую правду о любом человеке. Нежная, она вместе с тем обладала одуряющей силой. От нее мог пошатнуться взрослый мужчина, не то что подросток. К тому же калека...

Бедный, наивный Дьоллох, кричавший о себе громко, как ждущий внимания младенец! Кичился скудной сноровкой, побуждая свое увечное тело стать продолженьем хомуса! Тщился показать ловкую игру, усладить слух песней, легкомысленной, как полет мотылька-однодневки!

А Долгунча не играла. Она просто жила. Песнь была ее жизнью, а хомус – ее неотделимой частицей. Ее пуповиной, весенней завязью, почкой, еще не распустившейся, тугой и восхитительно нежной...

Словно во сне созерцал Дьоллох, как розово-алый рот Долгунчи ласкает согретую горячим дыханием железную плоть хомуса. В голову с запоздалым прозрением вникло: «Готов все, что есть, отдать за осуохай с Луной!..» Дьоллоху уже не казалась забавной лукавая песенка. В ней сегодня тоже пелось о нем. Это он жаждал ночи-осуохая с девушкой Луной, как ничего на свете. Он мог бы отдать свой голос за то, чтобы стать железом, которое она ласкала...

– Ты плачешь?

Поспешно смахнув предательскую слезу рукавом, Дьоллох опустил глаза на докучливую девчонку, разбившую чары бессмысленным вопросом.

– Иди отсюда, – прошипел осипшим голосом.

Грудь мучительно стиснуло, горлу не доставало воздуха. Может, поэтому вырвались жестокие слова:

– Что ты все липнешь ко мне, будто пиявка?!

Айана попятилась. Смуглое лицо побелело. Побледнела даже коричневая родинка посреди лба, чуть выше глаз. Девочка не верила, не могла, не хотела верить, что Дьоллох гонит ее от себя. Он, самый лучший человек после матушки, отца и братьев... Ошеломленная горем, Айана закрыла лицо руками и не увидела, как Дьоллох сорвался с места и побежал куда-то.

Он летел сломя голову, задыхаясь и плача. Деревья больно хлестали ветками по лицу. Дьоллоху было все равно. Не вернуть назад сегодняшнее утро, когда он был спокоен и уверен в себе. Не повторить, не изменить день, перевернувший душу.

Кукушка все еще выводила скучную песенку в зеленом сумраке Великого леса. Однообразный напев безмозглой птицы был так же беден и слаб по сравнению с игрой Дьоллоха, как узенькая протока с привольной рекой... А его жалкие потуги были столь же ничтожны против волшебной музыки Долгунчи.

Вот почему Силис и Тимир приготовили для лучшего исполнителя черный дэйбир. Черный, а не белый! Мастера с самого начала знали, кто получит махалку. Ведь женщинам не положен священный дэйбир с белым хвостом.

Острое, смешанное с ненавистью и наслаждением отчаяние раздирало грудь, словно ребра раздвинулись, не вмещающая вспухшее сердце. Уши наполнял неумолчный звон – властный зов колдовского хомуса с жалящим змеиным язычком. Дьоллох мчался, рассекая слои воздуха низко наклоненной головой. Оставленные за ним воздушные раны истекали густым благоуханием свежей сосновой хвои. Мстительной издевкой блазилась долгий кукушкин напев.

Жар горящего дыхания прожигал уже до костей, когда Дьоллох запнулся. Земля-матушка, встав на дыбы, сначала наказала неразумного сына болезненным тычком в грудь, а потом милосердно объяла влажной прохладой. «Умираю», – подумал он с облегчением. Внутренности, похоже, воспламенились... Так вот что происходит с желающими смерти! Им не страшна Ёлю. Напротив, мысль о вечном спокойствии приятна и притягательна. С Дьоллохом еще не случалось подобного.

Внезапно грудь и горб пронзила дикая боль. Вломившись в гортань тяжелым колом, жгучий воздух пробуравил готовые лопнуть легкие. Иссушенная глотка взорвалась сотрясающим кашлем. Обессиленный и опустошенный, Дьоллох не сразу обнаружил, что упал возле мшистой канавки. По дну ее текла чистая вода...

Вода!!! Рыча от нетерпения, обдирая ногтями сырой мох и дерн, он подполз к канавке и жадно приник опаленным ртом к спасительному ручейку. А когда, сомкнув глаза в неимоверной усталости, перевернулся на спину, в багровом свете смеженных век предстал полураскрытый розовый бутон. Лепестки-губы шевельнулись, распахнулись чуть шире. Дразнящая тычинка продольно раздвоенного языка мелькнула в алой глубине.

Дьоллох возбужденно привстал, опираясь на локти. Зажмурился крепче, боясь отогнать пугливое видение, но мучительно-сладкая греза не собиралась покидать его скоро. Нежные лепестки губ, прерывисто трепеща, долго ласкали железную хомусную плоть.

* * *

Старейшина рассеянно наблюдал за женой. Эдэринка готовила ужин.

Он был вполне доволен двумя прошедшими праздничными днями. Вволю порезвились люди, испытали себя в разных умениях, на других поглядели. Правда, ворона, черная ворожейка, подпортила благословенье Санда, и ковш нехорошо упал – к зною, мучителю трав. Ну да разве бывает, чтобы все без сучка-задоринки? Может, как-нибудь пронесет и к сенокосу потучнеют аласы.

А каким славным выдалось сегодня состязание хомусчиков! Силис не мастер извлекать из поющей снасти волшебные звуки, но чувствует их всей кожей. Если песнь хороша, перед глазами наяву возникают яркие сны.

Игра Дьоллоха понравилась людям. Вырос паренек, и песнь его выросла. Огненным и радужным стал хомус. Силис нахмурился, вспомнив красное, расстроенное лицо мальчишки. В рощу убежал. Не успели вручить награду – наборный пояс на двухслойной ровдуге, отделанный серебряными пластинками. Передали Манихаю.

Тонкую травяную чернь навел Тимир на пластинки, отчеканил вставших дыбом жеребца и кобылицу на солнечных кругляшах с завязками. Расстелешь пояс – встают кони на концах стражами от нечисти. Завяжешь – оказываются мордами друг к другу. С левого боку примостился ремешок для ножен батаса, с правого – вышитый кошель для мелких вещей.

Точно такие же пояса вручили внучке знаменитого Ыллыра и семи ее спутникам. Сверх того девушка получила черную махалку с украшенной серебряными насечками ручкой.

Не зря пригласил Силис на праздник Долгунчу, прославленную хомусной игрой по всему северу. Волнующая песнь ее хомуса прошибла старейшину до слез. Оглянулся украдкой, досадуя на себя, и увидел, что глаза почти у всех на мокром месте. Едва не вскрикнул от изумления,

приметив, как суровый Хорсун прикрыл лицо рукой. Чуть погодя, когда Дьоллох побежал в рощу, багалык тоже круто развернулся и ушел.

Паренек-то понятно из-за чего огорчился. Юный еще, не сумел достойно справиться с поражением. Ничего, полезно ему. Не следует слишком высоко думать о своем джогуре. Но и у Хорсуна было такое лицо, что лучше на пути не попадаться. Знать, разбередило душу. Может, вспомнил Нарьяну и страшный год ее смерти...

Нет слов описать, что делал с людьми вынимающий сердце и печень хомус Долгунчи! Самые заветные, потаенные воспоминания вытянул, заставил заново их пережить. Вот и Силиса растревожило полузабытое. Обнаружил внезапно, что обыденность и время незаметно обесцветили, приглушили в памяти его пятнадцатую весну. А тут вдруг нахлынуло свежо и тревожно.

...Та весна наполнилась хмельным запахом сыпучих цветов черемухи. Поляна возле речки Бегуны, где Силис встретил Эдэринку, была усеяна цветами. Пышные деревья холмились, словно покрытые сугробами. Силис тогда увидел в смешливой соседской девчонке женщину – прекрасную, как юная богиня. Белые-белые развесистые венки на их сумасшедших головах долго прятали разрумяненные лица от новой луны. А потом они обо всем забыли. Дева Луна завистливо подглядывала за первой ночью Силиса и Эдэринки до рдяной кромки в небе над скалами...

Позже пришлось отстаивать право той ночи. Хотя они были родней не по кровной, а по сторонней боковой линии, родичи долго не соглашались дать согласие на их союз.

Силис вздрогнул в тревоге: с ним ли содеялось чудо, что подарило лучшую женщину на Орто? Очнувшись, посмеялся над собой. Сколько весен с тех пор прошло, а сердце, через глаза любясь женой, все еще учащенно стучит!

Долгунча чем-то похожа на Эдэринку. Такая же рослая и черноокая. Вечеру эта девушка удивила его, испросив дозволения переехать в долину к родичам деда. На северной родине у нее, оказывается, никого не осталось. И все же странно, что человек по собственной воле решил покинуть края, где явился на свет.

Говорят, Долгунча и своих помощников уговаривала здесь остаться, уехать хотя бы после торжищ в Эрги-Эн. Плакала даже. Не согласились. Сами, удивляясь немало, убеждали ее домой вернуться. Тоже напрасно, вот жалость-то.

Много потеряют хомусы от их разрыва. Приятно для слуха вместе звучали, больно складные песни надвое раздирать. Завтра после конных скачек отправятся парни обратно на север. Одни, без Долгунчи.

Конные скачки в завершающий праздничный день с новой силой взовьют над Тусулгэ веселые голоса. Но сперва на расчищенном поприще с утра учинятся шуточные состязания. Сильные парни с седлами на спинах побегут по кругу аласа, кто быстрее. На втором круге к седлам приторочат поклажу. Затем настанет черед молодцев, которые побегут наперегонки с лошадьми. Вначале с места сорвутся люди, а лишь достигнут четверти назначенного пути, наблюдатели пустят коней.

Бегунов нынче всего трое. Знаменитый Сюрюк, в свое время опередивший не одну ретивую лошадку, напрочь отказался вновь себя испытать. Две весны назад его сильно помял на охоте лесной старик. Сломанная левая рука сломалась неправильно, вывернулась тылом ладони к боку. Видно, спутав себя с десницей, на предыдущих состязаниях сбила Сюрюка со стези направо. Костоправ Абыр предложил снова сломать строптивую конечность и срастить как надо. Но скороход не отважился.

Каждому хозяину не терпится показать преимущество своих сильных и резвых коней. Обученные, они слушаются голоса человека, малейшего движения его колен на своих боках. У воинов с лошадьми занимаются приставленные люди. Обьезжают до холощенья, к двум-трем

веснам после первой стрижки.купают, кормят отдельно от других, отмеряя пищу в зависимости от времени года и возраста коня.

Силис прикинул, чей скакун может прийти первым. Наверное, опять нравный вороной Хараска отрядника Быгдая.

Малолетнего коня с непривычно маленькой головой и высокими ногами Быгдаю пять весен назад посчастливилось выменять в Эрги-Эн у кого-то из заезжих торговцев. За всего ничего – кусок самородного золота с кулак величиной. Правда, добавил еще три связки соболей да пять медвежьих шкур. Берег Хараску, сам ходил за тонконогим, никому не доверяя. В морозные зимние дни держал в теплом стойле, отстроенном для изнеженного скакуна, и сено давал самое лучшее.

Ставка на доброго верхового – жеребенок будущего приплода. За те годы, пока Хараска бегают, Быгдай, должно быть, табун себе сколотил. Надо присмотреть за пылкими игроками вроде Манихая, способных в безрассудном порыве проиграть всех своих жеребят.

Кончатся скачки, и Силис с главным жрецом проведут славный обряд освобождения лошадей по старинному обычаю Кый. Отправят в исконные земли восемь кобылиц священного белого окраса с вожакom во главе.

В пределах Верхнего мира, не ведающих заката, на привольных молочных лугах пасутся громовые табуны небесных жеребцов и кобылиц. По аласам Срединной земли гуляют их братья и сестры – лошади белых, дымчатых, мыштасто-серых, бурых мастей. Редко – пегие и красные, еще реже – вороные.

Что бы делали люди саха без лошадей, главного своего богатства? Они также дороги человеку, как здоровье тела, драгоценны, как зрение и слух. На конях ездят верхом и возят грузы. Жеребячье мясо – самое вкусное, из кобыльего молока готовят кумыс. Из шкур шьют постель и одежду, из волос плетут неводы, циновки и летние шапки. Из копыт нарезают пластинки для воинских доспехов.

Люди не строят лошадям крова. Небо для них должно быть открыто. Только кобыл с жеребятами и верховых коней держат вблизи от дома, летом на огороженных выгонах, зимой за открытыми плетеными изгородями. Вережка и сбруя, а тем более кнут не касаются вожака и матери-кобылицы – наместников Дэсегея на Орто. Им не ставят тавра, не стригут пышные хвосты и гривы. Не перестают люди каяться перед Дэсегеем за грех власти над свободными созданиями. Поэтому в праздник полагается отправлять к божественному прародителю табун белых лошадей в девять голов – таков древний обычай Кый. Провожатые отгоняют избранных туда, где в Великом лесу находятся ничейные пастбища, исконные места диких сородичей круглокопытных.

Завтра к ночи народ устанет славить Дэсегея, петь-танцевать хоровод осуохай. Костры высоко разгорятся для последнего праздничного события. На белую шкуру у трех коновязей усядется олонхосут, приглашенный из северного селенья, куда давно отбыл эленский сказитель. Исстари принято обмениваться исполнителями олонхо. Своего послушать всегда отыщется время, а новой весной приятно насладиться еще не слышанной песнью.

На рассвете гость перейдет в дружеский дом. Сидя на почетном месте, продолжит сказание с короткими перерывами на сон и еду. Три дня, три ночи будет петь-рассказывать о подвигах земных ботуров незапамятных колен.

Мудрое олонхо понудит людей помозговать о жизни. Не намереваются ли пагубные страсти тайком проникнуть сквозь трехслойную броню человеческих душ? Не нарушилось ли равновесие? Ведь так уж создано бытие, что Срединная земля колеблется между мирами подобно тому, как люди качаются между благословением и проклятием...

В разные весны в Элен побывали многие именитые сказители обширной Земли саха. Сила корней памяти и певучего слова иных мастеров оказывалась порою настолько могучей, что олонхо длилось девять дней. Бывало, и девять раз по девять. В этот раз Силис попросил

гостя спеть трехдневное сказание, не более того. Скоро начнется базар в Эрги-Эн, подготовиться надо. Вновь в бурдюках забродит кумыс. Отцы станут умирять проказников угрозой не взять их с собою. Матери оденут дочек на выданье во все самое нарядное – вдруг да приглянется девица хорошему парню родом из дальних мест.

Ох, сколько же разномастного люда скопится на левобережье! Не меньше, чем кишашего в мелях нерестового тугуна. Приедут одуллары, луорабе, ньгамендри, тонготы, торговые люди нельгезиды с берегов священного моря Ламы. Может, и великаны-шаялы заявятся. Только и молись, чтобы торжища кончились миром и ладом, без распрей.

Едва Эрги-Эн опустеет, успевай наверстывать упущенное по хозяйству, не то увянут травы Месяца земной силы.

Так, вздыхая, размышлял старейшина Силис о прошедшем и предстоящем.

– Отец, Айана брала твой дэйбир на праздник, – съездничал за ужином Чиргэл.

Чэбдик, сызмальства все повторяющий за братом, подтвердил:

– Да, я тоже видел.

Айана уткнулась в стол, спряталась за его краем. Поверх столешницы темнели родинка на лбу и виноватые глазенки.

– Но ведь дэйбир на месте? – улыбнулся Силис.

– Наверное, у Айаны была причина взять махалку, – заметила Эдэринка, вопросительно глядя на дочь. – А позволения спросить просто забыла.

– Я хотела... обмахивать Дьоллоха от комаров, пока он станет играть, – пискнула девочка, не сдержав всхлипа.

Близнецы покраснели от стыда за сестренку.

– Ты что, Дьоллохов хвостик? – возмутился Чиргэл.

– ...хвостик? – эхом откликнулся Чэбдик.

– Сами вы хвосты друг друга, – огрызнулась Айана, не поднимая головы.

Эдэринка встала из-за стола. Есть ей вдруг расхотелось.

...В урасу вошла тишина. Тонкая ровдужная занавеска над хозяйской лежанкой посветлела от пролитого в окно света белой ночи. Обняв жену, Силис понюхал ее теплое темя, пахнущее дымом праздничных костров. Эдэринка скорбно вымолвила:

– Айана меня беспокоит.

Силис усмешливо хмыкнул.

– Неужто не видишь, что с девочкой творится?! – воскликнула Эдэринка, возмущенная его легкомыслием. – Ходит за Дьоллохом, как потерянный жеребенок!

С первого же дня летнего соседства с семейством Лахсы пронизательное материнское око определило, что совсем не детская привязчивость управляет дочерью, а рано проснувшийся женский интерес. Сегодня его, кажется, углядели даже мальчишки, а Силису почему-то смешно.

– Айана часто увлекается разным, – мягко возразил он. – У девочки страстная душа. Ее приводят в восторг то лилия в пруду, то скала, то собака слепой Эмчиты. Помнишь, еще в младенчестве могла полдня разглядывать чороны на полках? Она постоянно носится с тем, что другие считают не стоящим внимания или просто не замечают. Так почему бы ей нынче не восхищаться Дьоллохом?

Обычно всегда согласные друг с другом, в этот миг супруги думали неодинаково. Эдэринка резко приподнялась на локте:

– Дьоллох – не цветок и не чорон! Вечером я едва разыскала Айану. Она спряталась в загоне для жеребят и плакала там. Не призналась, кто ее обидел. Что хорошего нашла девочка в этом взрослом парне? И ты, Силис! Ты-то что в Дьоллохе увидел? С малых весен поощряешь его, заносчивого! Поет-играет хорошо, но мало ли таких певцов, лучше его, открытее нравом и... пригожее?

– Таких – мало, – серьезно сказал Силис. – Ты видишь Дьоллоха глазами своей неприязни. Да, нрав у мальчишки не прост, но не бывают простыми те, кто носит в себе тягость джогура. А дар у него большой, настоящий. Когда-нибудь люди поймут его силу.

– И что же – Айана должна всю жизнь бегать за ним, как прислужница, обмахивая дэйбирем?!

Силис покачал головой:

– Э-э, зачем разжигать уголек, который сам вот-вот погаснет! Дьоллох напросился в прожатые табуна Дэсегея. Даже новое олонхо не захотел послушать. А ведь очень ждал. Долго не будет его. Пока паренек вернется, интерес Айаны не раз успеет перемениться. Не тревожь дочку с ее любовью, пусть сама в себе разберется.

– Какая любовь! – вскричала Эдэринка громким шепотом.

С утра крутилось вокруг да около это опасное слово в ее мыслях. Она суеверно гнала его прочь, страшась с дочкой связать. А тут Силис взял и произнес, не задумываясь.

– Какая любовь! – повторила Эдэринка смятенно. – Девочке нет и девяти полных весен!

– Будто не знаешь, что не по зрелости любовь выбирает. Пусть хоть восемь весен носит человек за спиной, хоть восемь десятков...

– А как она выбирает?

– Не спрашивай у меня, спроси у любви, – шепнул Силис, притягивая жену к себе.

Малость еще повздыхав, Эдэринка пригласилась на его широкой груди.

«Силис прав, – думала она. – Разве любовь предупреждает сердце, входя в него? Любовь не стучится в дверь, не нуждается в дозволениях...»

«Разве не любовь делает сердце счастливым?» – думал Силис и, после привычного укола счастья от близости жены, трепетал от невыносимой мысли, которой боялся больше всего на свете – потерять Эдэринку, не спать с ней, не видеть ее, не слышать, – что было бы несовместимо с жизнью.

Эдэринка уже безмятежно спала. Если бы кому-то вздумалось поинтересоваться, сколько благословенных весен ее ночная душа покоилась вот так, слева на родной груди, она бы не вспомнила. Эдэринка не смогла бы уснуть без привычной колыбельной песни, мерно и приглушенно, словно ритм маленького табыка, из ночи в ночь стучащей в ее правое ухо. Ничто не сумело бы дать и не давало успокоения накатывавшим изредка тревожным думам Эдэринки. Ничто, кроме этого невозмутимого, всепобеждающего стука.

* * *

В сердце Дьоллоха падал колючий снег. На другой день он подошел к Тусулгэ только к ночи, когда жрецы открыли березовую изгородь и выпустили жертвенных лошадей попрощаться с родным табуном.

В честь весеннего обновления старшины поставили свежеструганную коновязь на месте ветхого, покосившегося столба. Позже его отнесут в рощу и уложат в рассоху старой березы – закроют отдушину праздника.

После вчерашнего состязания Дьоллох стыдился смотреть на людей. Они, наверное, жалели его, побежденного... Но непослушные глаза скользнули по толпе, надеясь приметить высокую девушку в белом платье, с черным дэйбирем в руке.

У трех коновязей тихо заиграли кырымпы, провожающие лошадей. Ни Долгунчи, ни ее помощников не было видно. «Вот и хорошо», – подумал Дьоллох, подавив разочарование.

Сандал окропил кумысом костер:

– О вы, рожденные стоя, четвероногие дети! Мы, люди, о том не забыли, что выкормлены вместе с вами! Летите, свободные! Кы-ый!

– Кый, кый! – закричали люди, взмахивая белыми мужскими и темными женскими дэй-бирями.

Троим сопровождающим накинули белые мантии, подали березовые хорей. Подвели трех оседланных коней с притороченными кумысными бурдюками и переметными сумами, набитыми провизией. Будут ехать не спеша, не нарушая независимой ходьбы благородных животных. Только отстающих кобылиц, привлеченных хвощами в падах, поторопит свист хорей, а сам хорей не коснется крупов. Проводники отведут косяк на девять ночлегов пути и останутся в девятом месте до новой луны, чтобы лошади привыкли к незнакомым пастбищам. Потом отправятся обратно.

Если лошади все же вернутся, никто не станет их гнать, не поднимет на них преступную руку даже в голодный год. Отныне свободные, они будут жить на просторе столько весен, сколько даст Дилга.

...Умолкли кырымпы. Народ собрался в круг для священного хоровода. Далекие предки, не знавшие греха власти над другими существами Земли, танцевали осуохай под пешим небом в то счастливое время, когда все создания жили в согласии друг с другом.

Вышедший из золотого
лона матери-землицы,
в боли смертной, в страшной муке
на Орто рожденный к жизни,
через девять бед прошедший,
восемь радостей познавший,
человек, дитя лесное, ты –
былинка в светлом мире
посреди других таких же.

Хором вторя припеву начиналы, пляшущий круг задвигался посолонь, объял алас солнечным кольцом единения всего со всем.

Не гордись толковой мыслью,
не хвались красивым словом,
не бахвалься добрым делом –
не один ты на Срединной
и не все тебе доступно.
Есть у матери разумней,
есть у матери речистей,
есть у матери добрее...

Отъезжая, Дьоллох все-таки не утерпел, обернулся. Не было Долгунчи среди танцующих, не было на Тусулгэ. Взгляд задел фигурку маленькой девочки с хвостиками-косицами. Она сиротливо стояла за новой коновязью.

Напрасно Дьоллох накричал вчера на дочку Силиса. Если когда-нибудь она простит его и подойдет, он, может быть, покажет ей несколько простых приемов игры на хомусе. Или даже сочинит для малявки веселую песенку. Айана – не Долгунча, которой нет дела до мальчишки-калеки, возомнившего себя непревзойденным певцом...

Домм шестого вечера. За чертой березовых веток

Аргыс остановился у сосны с коровьим черепом на верхней ветви. Так же, как Сандал ежедневно поднимался на вершину Каменного Пальца, Хорсун заимел теперь обычай раз в месяц посещать могилу жены и сына. Но если жрец не делал секрета из восхождений, то багалыку приходилось скрывать свою привычку. У людей саха не принято часто думать о мертвых, ходить к ним и тем более разговаривать.

Началась десятая весна после страшной Осени Бури, когда Сандал выжег в сердце Хорсуна полыхающие огнем слова: «Она умерла. Я похоронил их вместе. Твою жену и твоего мертворожденного сына». Десятая зеленая весна, которую не видят очи-звезды Нарьяны. Жизнь без нее, без любви и счастья, понемногу стала обычной. Уже не было дергающей надрывной боли. Осталась лишь печаль, тонкая и светлая, словно луч света в вечно пасмурный день.

Ушли нескончаемые бессонные ночи с редким беспамятством, ушел сон, рушащий между Хорсуном и Нарьяной смолу вороненого ливня. Воспоминания затягивало ряской времени, и лишь чуткая дрема наполнялась милыми призраками: Нарьяна подметала щепу перед камельком заячьей лапкой; Нарьяна выглядывала и улыбалась из-за занавески; Нарьяна качала на руках ребенка... Обращенное внутрь горе превратилось в зябкое одиночество и засело в багалыке ржавым гвоздем.

Иногда Хорсун ловил на себе тоскующий взгляд Модун. Он знал – она скучает по мужчине из-за здорового женского желания, и отводил глаза, чтобы не смущать ее. Мужчин вон сколько – любого кликни, прибежит, выбирай, кого хочешь. А с багалыком воительницу связывали иные узы – общая память о дне, из которого выросли ее мужество и его непреходящая печаль. Эти узы крепко-накрепко сплелись в прошлом, из них нельзя было свить веревку другого притяжения. Впрочем, Хорсун и не думал о новой любви.

– Сколько можно горевать о том, чего не вернуть? – говорили друзья. – Одному жить – все равно что на голых жердях спать. Женись!

Но Хорсун решил еще в памятный год Осени Бури: пусть на нем завершится его орлиный род. Подобной Нарьяне ему не найти.

На могиле жены и сына Хорсун поставил сруб с крышей, похожей на перевернутый арангас, с двумя выступающими вперед балками. Вырезал на концах балок обереги – головы лошадей, как на перекладинах опорных столбов юрты.

Аргыса не надо было сюда направлять. Только повернешь к горам, верный конь сразу шел по набитой тропе и замедлял шаги у того места, куда хозяин складывал в кучу сухие березовые ветки, отслужившие срок. Эти ветки, всегда новые, Хорсун бросал поперек тропы. Зимой он разводил из них костер.

Багалык садился на приступку сруба и начинал рассказывать о своей жизни. Так он искупал вину перед женой год за годом. Месяц за месяцем, капля за каплей. Он говорил слова, которые Нарьяна никогда не слышала от него при жизни. От этих нежных и пылких слов оживали и начинали тихо реять над его головой омертвевшие лучи-поводья.

В этот раз, виновато поглаживая серебристое дерево сруба, Хорсун силился говорить как можно спокойнее. Он опасался, что голос его будет звучать неискренне.

– Позволь мне быть откровенным с тобой, Нарьяна... С севера в Элен приехала девушка. Говорят, она – внучка великого певца, олонхосута Ыллыра. Очень красивая девушка, с голосом густым и прохладным, как суорат, только что вынутый из погребя. Имя ее – Долгунча. Долгунча – Волнующая... Она и впрямь умеет волновать людей. Играет на хомусе так чудесно, что сердце хочет выпрыгнуть. Трудно заставить душу не откликаться плачем на ее волшебную песнь. Я слышал на празднике, и я плакал. В этом плаче были небо и горечь, звезды и мечта

о тебе, облитая кровью. На десятом празднике, который прошел без тебя... – Он запнулся. – Хомус Долгунчи вызвал память о нашей первой весне.

Хорсун замолчал, вновь переживая мгновение, когда все в нем перевернулось. Перед глазами возникла Нарьяна. Но вдруг сквозь ее светлое лицо ясно проступили и вытеснили его крупные черты лица Долгунчи, пухлые розовые губы с ямочками в углах. Он снова ощутил влекущий аромат женской кожи. Нижнюю половину тела бросило в жар от невольно возгоревшейся в крови мужской жажды.

Багалык помотал головой, вытряхивая из мыслей, неуместных особенно здесь, соблазнительные губы, взметенную резким движением косу... Нет, нет, нет, он готов отдать юрту и все имущество в ней, чтобы освободить думы от навязчивой Долгунчи! Он бы забил уши глиной, чтобы никогда больше не слышать хомуса этой девушки...

Но мысли-то глиною не замажешь! Песнь, лишь он о ней вспоминал, вкрадчиво проникла в голову и заполняла ее всю. Следом ярким видением являлась Долгунча и лукаво смотрела на багалыка из-под полуопущенных ресниц. Она без того встречалась ему слишком часто. Даже невнимательный к уловкам женщин Хорсун это заметил и стал избегать «нечаянных» встреч. Если не получалось, старался не обращать внимания на воркующий смех...

Да, она нравилась Хорсуну. Он ее хотел. Но хотеть – не значит любить.

Кровь потихоньку остыла, надоедливый образ выветрился из сердца. Беспрепятственно и светло зажглись глаза жены. Хорсун сказал с вымученной улыбкой:

– Хомус на празднике напомнил мне, Нарьяна, как ты выскочила вон, когда я впервые пришел в дом к твоему отцу Кубагаю. Помнится, я подумал: «Не нравлюсь ей. Совсем девчонка, только вчера перестала играть тальниковыми игрушками». Однако мальчишки-ровесники с некоторых пор уже ноги сбивали, соревнуясь, кто первым прибежит помочь тебе в сборе корней. А потом я сам вообразил себя мальчишкой и спал в ту ночь беспокойно, видя юные сны...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.